

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКС ОРЛОВ

ПРОДАЮТСЯ
ПЛЕМЕННЫЕ
ТУКИ
ТЕЛ. 38475932

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Он хорошо стрелял, но сила его была не в этом

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Тени войны

Алекс Орлов

Представитель

«Автор»

2001

Орлов А.

Представитель / А. Орлов — «Автор», 2001 — (Тени войны)

На окраине империи находится планета Малибу, ее поверхность покрыта солью, лишь кое-где возвышаются острова с травой и деревьями. Фермеры разводят на них туков, из молока которых вырабатывают чрезвычайно ценное вещество – мальзиву. А еще на Малибу есть кванзиновый уголь, добычей которого занимаются жестко конкурирующие друг с другом транспланетарные компании. На одну из ферм, где жил сирота Майк Баварски, работавший за еду и кров пастухом, напала банда «собак». Майку удается бежать, однако его захватывают люди из другой банды – «барсуков». Он находит с ними общий язык и начинает свое восхождение от простого «барсука» до имперского представителя на Малибу.

© Орлов А., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	30
Глава 13	34
Глава 14	36
Глава 15	38
Глава 16	40
Глава 17	43
Глава 18	46
Глава 19	48
Глава 20	52
Глава 21	53
Глава 22	56
Глава 23	58
Глава 24	60
Глава 25	62
Глава 26	65
Глава 27	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алекс Орлов

Представитель

Глава 1

Стадо туков попало очень беспокойное. Животные то и дело переходили с места на место, хотя на всех кочках вокруг было сколько угодно полыни.

Майк нехотя поднимался с брошенной на землю накидки и, опираясь на длинный пастуший посох, шел следом за стадом. Собственно, против переходов он не возражал, но в стаде было несколько норовистых туков, которые с места в карьер неслись к соленым озерцам и напивались воды, невзирая на то, что Майк немилосердно лупил их посохом.

От соленой воды у туков пучило животы, и они целую неделю не давали молока. За это хозяин вычитал из скудного жалованья пастуха штраф, а то и попросту бил. Хозяин любил распускать руки.

С востока, со стороны долин, снова налетел сырой ветер. Он принес с собой тяжелый запах йода. Даже полынь подчас уже не горчила, а источала все тот же надоевший запах.

Наконец туки остановились и принялись срывать жесткую траву. Майк подошел к стаду стоящую в стороне самку, сбросил на землю накидку и кожаный мешок с водой и присел на большую кочку.

Соленый ветер понемногу ослабел, а солнышко пригрело так, что Майк задремал. Очнувшись от тревожного звона колокольчика, висевшего на шее у вожака стада матерого тука Абсента.

Пастух открыл глаза и, проследив за взглядом вожака, заметил человека, идущего прямо к стаду.

Незнакомец был высок ростом, и Майк невольно нащупал лежавший в кармане нож. Времена были беспокойные, случалось, на пастухов нападали, чтобы угнать скот.

Вскоре незнакомец подошел ближе, и Майк расслабился. Этот человек не походил на разбойника. Даже Абсент понял это и, опустив голову, принялся щипать траву.

– Доброго здоровья, господин пастух, – произнес путник, останавливаясь в нескольких шагах от Майка и скидывая заплечный мешок.

– Здравствуйте, – отозвался Майк, все еще с недоверием разглядывая незнакомца. Внешне он был похож на гиптуккера, перегонщика туков. Об этом говорили его просторный кожаный плащ, широкополая шляпа и загорелое лицо. Однако гиптуккеры всю свою жизнь проводили верхом на быстрых лахманах, а этот пришел пешком.

– Твой костер – мой чай, пастух. Договорились? – с улыбкой предложил путник.

– Я не могу. – Майк виновато пожал плечами. – Туки переходят с места на место каждые полчаса. Они мне покоя не дают.

– Ничего. Пока я здесь, туки никуда не денутся, – пообещал незнакомец. – Постереги мои вещички, а я схожу под гору – принесу сухих корней.

– Да, мистер, но ваши вещи... Если туки пойдут...

– Ничего не бойся. Если стадо двинется, можешь бросить мой мешок. Но, уверяю тебя, туки не сдвинутся с места. Здесь много травы, часа на три им хватит.

Майк не нашел, что возразить, и незнакомец стал спускаться к подножию холма, туда, где росли невысокие чахлые кустики. Не выдерживая засоления почвы, они гибли, и их сухие ветки вполне годились для костра. Майк, проследив взглядом за высокой фигурой человека, подумал, что он все-таки очень смахивает на гиптуккера.

Между тем стадо продолжало оставаться на месте, а Абсент покинул своих самок и подошел совсем близко, принюхиваясь к содержимому мешка незнакомца.

– Иди отсюда, это не твое, – буркнул Майк. Тук как будто не слышал. Пастух потянулся за своим длинным посохом, и Абсент тут же отошел. Что такое посох Майка, он испытал на себе.

Вскоре вернулся незнакомец. Он принес такую охапку сухих веток, что их хватило бы на целый день.

Бросив ношу на землю, он посмотрел на Майка и протянул ему руку.

– Теперь давай знакомиться, – сказал он, – меня зовут Джо Беркут.

– А меня – Майк. Майк Баварски. – Пастух пожал большую мозолистую ладонь Беркута и сразу почувствовал к этому человеку симпатию.

– Очень приятно, Майк. Теперь давай готовить чай.

С этими словами Джо присел на корточки и начал мастерски укладывать сухие ветки, разламывая их своими сильными руками.

Вскоре костер уже горел, и на нем грелась вода Майка, налитая в котелок Беркута. Новый знакомый достал сухари из кукурузного хлеба и даже половинку шоколадной плитки.

Судя по всему, он выложил все, что у него было.

Поборовшись с собой пару минут, Майк вытащил из кармана сахар – шестнадцать кусков. Причем шесть из них он получил законно – по распоряжению хозяина, а десять стащил на кухне.

– О, так много сахара! – удивился Беркут и, отломив чуть-чуть от одного кусочка, положил в рот. – В детстве я любил сладкое, – пояснил он. – А уж два таких куска мы с друзьями считали целым состоянием.

Майк улыбнулся и кивнул. Пока ему не дали эту работу, он тоже нечасто получал сахар. Теперь же он был при деле, и каждый его день приносил немного денег.

– Почему туки не уходят? – спросил Майк, когда Беркут стал засыпать в котелок заварку.

– Потому что их вожак остается возле нас, – пояснил Джо, размешивая кипящую воду тонкой палочкой.

– А почему он остается?

– Потому что у меня в мешке лежит кусочек подкопченного хлеба, – невозмутимо ответил Беркут. Он пошарил в своих вещах и достал две серебряные чашки. И хотя они были без ручек, Майк восхитился украшавшим их тонким рисунком.

– Вот уж не знал, что туки любят копченый хлеб, – сказал он, разглядывая чашку.

– Не все, – покачал головой Беркут. – Только самцы.

– Вы так хорошо знаете туков... Как будто вы гиптуккер.

– Так я и есть гиптуккер, – сказал Джо, бесстрашно выхватывая из костра горячий котелок и ставя его на высокую кочку.

– А где же ваш лахман, мистер Беркут? Я еще не видел ни одного пешего гиптуккера.

– Пал мой лахман, – признался Джо. По его лицу пробежала тень. – Хороший был скакун, настоящий друг.

Майк тактично покачал головой и больше ни о чем не спрашивал. Между тем Джо разлил горячий чай по чашкам, и несколько минут были слышны только свистящие звуки втягиваемой жидкости.

– А как зовут твоего хозяина? – спросил наконец Беркут, когда чай был выпит.

– Мистер Нант Каспар.

– Чем он занимается – торгует скотом или цедит мальзиву?

– И то и другое, – ответил Майк, еле удерживаясь, чтобы не отломить еще кусочек от шоколадки Джо.

– Бери, не стесняйся, – заметив колебания подростка, предложил тот.

– Нет-нет, спасибо, я уже сыт, – с достоинством ответил Майк и отвернулся, чтобы не видеть шоколад. – Люди боятся гонять скот через соляные долины, вот мой хозяин и скупает туков по дешевке. Самых хороших оставляет себе, а тех, что похуже, подкармливает и продает гиптуккерам, когда они проходят мимо.

– А сами через соли, стало быть, не гоняете?

– Нет, куда там. Все боятся разбойников.

– Ты их сам-то видел, разбойников? – поинтересовался Беркут.

Майку показалось, будто гость над ним подсмеивается, однако лицо Джо было серьезно.

– Год назад один наш работник сбежал к разбойникам...

– Почему сбежал?

– Он... Он девушку убил... Надругался и убил.

– А она кто тебе была?

– Никто, но мы росли вместе. Она была внучкой старого Герхарда – этот старик подобрал меня когда-то на улице. Воспитал, дал свою фамилию и научил грамоте. Я умею читать и писать. И еще дробы знаю.

– А сам Герхард жив?

– Жив, – кивнул Майк. – Как будто бы жив, но после смерти Софи почти не разговаривает.

– Понятно. – Беркут кивнул и стал собирать в мешок остатки еды. Потом стянул шнурок, завязал его сложным узлом и серьезно спросил: – А почему ты не защитил свою сестру?

– Как же я мог? Я даже не знал, когда это случилось. И потом, мне тогда было только тринадцать лет, а Лозмар, сэр... – Майк посмотрел на Беркута, невольно оценивая его фигуру. – Он с вас ростом, а в плечах в полтора раза шире. Громила, его даже хозяин побаивался...

Джо ничего не сказал, оба немного помолчали. Между тем туки все так же мирно паслись вокруг потухшего костра и никуда уходить не собирались, а солнце светило необычно ласково. Майк сидел рядом с незнакомцем и чувствовал, что этому человеку можно доверять. Он почему-то был уверен, что, если расскажет Беркуту о своих заботах, тот не станет смеяться, а наоборот – выслушает и даст хороший совет.

– Знаете, мистер Беркут, когда-нибудь я уйду от хозяина и разыщу Лозмара... – неожиданно сказал Майк. Сказал и сам подивился собственным речам.

– Как выглядел этот Лозмар? опиши его.

– Он просто огромный, – со вздохом произнес Майк. – И у него длинные светлые волосы.

– Да, – кивнул Джо, – а еще серые водянистые глаза и перебитый нос.

– Точно, а откуда вы это знаете?

– Мы столкнулись с ними в ста километрах отсюда. Как раз посередине соляных долин. Их было больше сотни, а нас всего пятнадцать. Я выстрелил в него и ранил – в руку, кажется. А он попал в моего лахмана... Но даже с пулей в брюхе мой лахман скакал, сколько смог, – спасал хозяина, а потом свалился замертво.

– Да-а... – протянул Майк, мысленно представляя себе всю картину. Теперь он понимал, почему так серьезен его собеседник и отчего тень грусти набегаем на лицо Джо, едва он замолкает.

– Я потерял скот, всех своих друзей и лахмана. Осталось только вот, – с этими словами Беркут достал из мешка вышитую уздечку. – А седло снять не успел, времени не было.

Джо вздохнул и посмотрел в сторону соляных долин – ровных, как море в штить. Банды разбойников появлялись там из ниоткуда и так же быстро растворялись на бескрайних просторах, будто тонули в полуденном мареве.

– Но того парня, их вожака, я запомнил хорошо. Уверен, что это твой знакомый.

– Он убийца.

– Как ты думаешь, твоему хозяину нужны работники? – спросил вдруг Джо.

– Вы хотите наняться к мистеру Каспару? – удивился Майк. Ему казалось, что уж такой человек, как Беркут, не захочет работать простым пастухом.

– Да, парень, мне нужна работа. Я на мели. Без хорошего лахмана я не человек, а на него сначала нужно заработать.

Глава 2

Под вечер стадо вернулось обратно на ферму, сопровождаемое пастухом и его новым знакомым.

Завидев издали чужого человека, хозяин вместе с двумя работниками вышел за ворота.

– Кого ты привел, Майк? – строго спросил Каспар, неприветливо уставившись на Беркута. Эта высокая фигура в длинном плаще показалась ему подозрительной.

– Он просто ищет работу, сэ. – Майк пожал плечами и посмотрел на Джо. Тот коротко кивнул, показывая, что теперь обойдется без его помощи.

– Если ты просто бродяга-побирушка, то можешь проваливать. Я не подаю всяким бездельникам, – раздраженно произнес Каспар. Спокойная уверенность незнакомца тревожила его. Не помогало даже присутствие двух дюжих работников.

– Я не бродяга, хозяин. Я гиптуккер...

– Ты гиптуккер? – На лице Каспара появилась ехидная улыбка. – А где же твой быстрый лахман?

– Я столкнулся с бандой разбойников всего в ста километрах отсюда... Одним из них был Лозмар.

– Лозмар? – еще больше удивился Каспар.

Это сообщение напрочь сбило его насмешливый настрой; махнув рукой, он сказал:

– Ладно, гиптуккер, заходи. Сегодня получишь ужин и место для ночевки в сарае. А завтра, может быть, подыщу для тебя какую-нибудь работенку. Как тебя зовут?

– Джо Беркут, хозяин, и большое тебе спасибо.

– За что спасибо-то? Я еще не сказал ничего определенного. Сказал «может быть»...

– Спасибо за ужин и за ночлег.

Каспар не нашелся, что еще добавить, и, развернувшись, пошел к воротам. Его работники, выполнявшие роль охраны, последовали за хозяином. Один из них, обернувшись, дружески подмигнул Беркуту.

Посчитав это хорошим знаком, Джо поправил заплечный мешок и пошел за ними следом. На широком дворе всю кипела жизнь. Несколько женщин сутили возле сложенной из обожженных кирпичей печи, готовя ужин. Двое конюхов тащили за упряжь упрямого лахмана, которому хотелось еще погулять со своей подругой.

С десятка мальчишек, закончив плести корзины, перетаскивали в решетчатый сарай готовую продукцию и оставшиеся пучки лозы.

Едва Джо остановился, как к нему подошел тот самый приветливый работник, который ему подмигивал.

– Меня зовут Батрейд, – представился тот. – Пойдем, я покажу тебе, где ты будешь спать.

– Кажется, хозяин упомянул о сарае.

– Это он так, для строгости. – Батрейд улыбнулся, показав редкие зубы. – На самом деле он ценит хороших работников. А по тебе видно, что ты хороший работник.

– Как ты определил?

– У тебя руки, как лопаты.

– Правда? – Джо невольно посмотрел на свои руки. – Действительно, как лопаты.

Глава 3

Помещение, где жили работники, представляло собой некое подобие казармы. Однако Джо досталась настоящая кровать, застеленная к тому же свежим бельем.

Из признательности за такое уважительное к себе отношение он даже принял душ, хотя обычно делал это не чаще раза в месяц.

Потом был по-настоящему сытный ужин, какого он не едал уже давно, зато ночью полное брюхо не давало Джо уснуть, и он снова и снова вспоминал подробности гибели своих друзей. И стремительную скачку через долины.

Раненый лахман вынес его, а затем рухнул. И еще полдня Джо шел пешком, пока не добрался до поросших горькой травой холмов.

Здесь, в чистой и сухой постели, казалось бы, спи и отдыхай, но уснуть не давала тревога. Джо опасался, что разбойники заявятся и сюда. Ведь их так много, а до фермы Каспара рукой подать, тем более что Лозмар знает эту ферму очень хорошо.

В конце концов усталость взяла свое, и Джо стал погружаться в сон. Он увидел бескрайние поля васильков, увидел себя, помогавшего отцу вспахивать целину, но затем какой-то внешний звук, похожий на вздохи кузнечного меха, оторвал Джо от его путешествия в детство.

– Эй, новичок, – послышалось совсем рядом, и Джо толкнули в плечо.

– А? Что? – Гиптуккер очнулся, его рука скользнула в стоявший рядом с кроватью мешок. Там Джо держал свой пистолет.

– Ты пойдешь к Тритни, новичок? – спросил незнакомый голос.

Джо понял, что это не нападение и пистолет можно не доставать. Он откинулся на подушку.

– А кто такой Тритни?

– Не «такой», а «такая», – пояснил неизвестный. – Тритни – это вроде общественной жены. Платишь четыре кредита в неделю и имеешь ее сколько хочешь. Но, конечно, только в свободное время.

– У меня нет денег, – попытался отвертеться Джо.

– Для новичков первая неделя бесплатно...

Мысли Джо путались, он не знал, что сказать. Наконец брякнул первое, что пришло в голову:

– Я это... Я ударился о седло и теперь даже сижу с трудом, не то что...

– Бедняга... – зашелестело по «казарме». – Сидит с трудом.

Кто-то захихикал, а кто-то сочувственно покивал в темноте головой, видимо, имея опыт подобной травмы.

Между тем Тритни была где-то рядом – это ее глубокие и прерывистые вздохи Джо принял во сне за кузнечные мехи.

Он еще не успел снова погрузиться в сон, когда Тритни освободилась и подошла к его кровати. Где-то возле двери горел тусклый светильник, и в полутьме все казалось расплывчатым и таинственным. И Тритни показалась Джо вполне симпатичной женщиной. Ее потное разгоряченное тело блестело в слабом свете ночника. То, что нельзя было разобрать, без труда дорисовало воображение Джо Беркута.

– Так что с тобой случилось, милый? – произнесла Тритни, присаживаясь на постель новичка.

– Я... – Голос Джо зазвучал хрипло. – Я болен, мэм...

– Могу я тебе чем-то помочь? – В голосе Тритни слышалась явная насмешка.

– Не сейчас, мэм...

– Ну дай тебя хоть немного потрогать, чтобы лучше понять твою болезнь, – насмешливо произнесла женщина, и ее руки проворно поползли под одеяло. – О, да ты не так уж безнадежен.

Джо закрыл глаза, желая только одного – чтобы Тритни убрала свои бесстыдные руки.

– Ладно, – смилостивилась она. – Могу поспорить, что ты здесь лучший кавалер, но, раз не хочешь, неволить не буду.

Женщина поднялась с кровати и пошла прочь. Потом, остановившись, добавила:

– Учти, новенький, бесплатная неделя пролетит быстро. Будешь потом жалеть.

«Не буду, – подумал про себя Беркут. – Пошла вон, шлюха».

По правде говоря, Тритни протряла его до самых косточек, и ее дурманящие флюиды заставили Джо сопеть, как паровая машина, но забираться на бабу, когда не прошло и трех дней после гибели его друзей, Джо считал величайшим свинством.

Тритни была видной женщиной, однако память о павших друзьях тоже что-то значила.

Вскоре все разговоры стихли и работники один за другим стали погружаться в сон. Джо уже почти спал, когда его снова толкнули в плечо.

– Одевайся – поговорить нужно.

Беркут сразу узнал мистера Каспара, поэтому без лишних слов поднялся и, одевшись, пошел следом за ним. Они прошли через весь двор и оказались в длинном помещении, разгороженном на стойла для туков.

Хозяин включил свет, животные заволновались, перебирая ногами и с испугом глядя на появившихся не ко времени людей.

– Ну что скажешь, гиптуккер? – спросил Каспар, испытующе глядя на Джо. А тот завороченно смотрел на статных туков, самцов и самок. Таких породистых и сильных животных он еще ни разу не видел. И было их в стойлах не меньше трех сотен.

– Удивлен, Беркут?

– Да, хозяин. Выглядят они отлично, только вот...

– Доятся тоже. И мальзива получается высший класс, и это, заметь, при стойловом содержании...

– Вы не выводите их на холмы?

– Нет конечно. – Каспар самодовольно усмехнулся. – Я тот человек, парень, кто вывел породу туков стойлового содержания. Прикидываешь, сколько стоят эти животные? Ведь им не обязательно жить здесь, на холмах. Если перегнать их через соляные долины, в Ларбени или в Куцак, они будут приносить огромные деньги.

– А те туки, что в загоне? – спросил Джо, имея в виду небольшое стадо, которое пас Майк.

– Те на откорме. Когда наберут вес, я их продам.

– Но зачем вы мне все это показываете, мистер Каспар? Я же чужой человек и...

– Наплевать, – отрезал хозяин и, подойдя к Джо ближе, добавил: – Об этом богатстве знает Лозмар, и рано или поздно он сюда явится. А я в этих животных вложил тридцать лет кропотливого труда. Я перепродал не один десяток тысяч туков и по одному выбирал из всей массы лучших.

– Вы хотите, чтобы я перегнал ваших туков через соляные долины? – догадался Джо.

– Вот именно. Если это удастся, половина дела будет твоя. Ты гиптуккер, и ты умеешь обращаться с животными, а именно такой человек мне и нужен.

– Но гиптуккеров много. Почему именно я?

– Потому что у тебя умное лицо, Беркут. Остальные твои друзья, ты уж извини, ничем не отличаются от скота, который они перегоняют... Держу пари, что ты окончил гимназию.

Джо невольно усмехнулся и поправил:

– Колледж, сэр.

– Ну вот, я же вижу благородного человека, – обрадовался хозяин. – Ну так что ты скажешь?

Джо пожал плечами. Хорошо, конечно, иметь к старости теплый угол и гарантированную миску супа, но чтобы стать бизнесменом? Об этом он никогда не думал. До сих пор он был вполне доволен своей жизнью, но, может, как раз сейчас и стоит задуматься о будущем?

– Я, конечно, не против, сэр, – наконец сказал Джо. – От такого предложения грех отказываться, только перейти с таким стадом через соли – это будет нелегко. Разбойников стало слишком много. Может быть, проще остаться здесь, укрепить ферму и нанять охрану?

– Нет, этот вариант я уже обдумывал, – возразил Каспар. – Разбойники все больше мешают перегонять скот, из-за этого цены на него уже начали падать. Скоро и скупщики мальзивы станут занижать цены, поскольку не каждый из них захочет рисковать жизнью, чтобы добраться до наших холмов.

– А если по воздуху?

– Слишком дорого. На это уйдут все свободные деньги, а на что я тогда куплю на новом месте ферму? И потом, для грузового судна у нас нет посадочной площадки, на соль они садиться не желают, говорят, это опасно для турбин.

– Понятно. – Джо окинул взглядом стоявший в стойлах отборный скот. – Пока что ничего конкретного сказать не могу, ведь, чтобы пройти через долины, нужно точно знать, что предпримут разбойники. Одним словом, требуется подготовительная работа... У вас есть буер?

– Буер? – переспросил Каспар. – Очень старый, в смысле давнишний, но за все время я выезжал на нем пару раз, не больше. Рулевой из меня никудышный.

– Нужно его осмотреть, проверить и привести в порядок. Если вы не возражаете, я займусь этим прямо с утра.

– Нет проблем, Беркут, – согласился хозяин. – Тебе нужны помощники?

– Мне бы подошел Майк. Он смысленный мальчишка. Надеюсь, вам есть кем его заменить?

– Заменим. Если нужен именно Майк – заменим.

Глава 4

Утро выдалось солнечное, и это добавляло Майку хорошего настроения, ведь сегодня он впервые не пошел со стадом туков, а отправился с Джо Беркутом в большой сарай, где хранился буер мистера Каспара.

Джо сразу сообщил Майку, что собирается заняться разведкой соляных долин, и тот был в восторге от перспективы погонять на настоящем буере. Иногда ему случалось видеть на горизонте их высокие паруса, однако сам он ни о чем подобном и не мечтал. И вот такая удача.

Мистер Каспар был аккуратным хозяином, поэтому его буер находился в отличном состоянии. Джо и Майк вынесли из сарая разборные конструкции и стали монтировать раму. Когда она была готова, пришла очередь паруса – его разложили на траве для просушки, а надувные колеса с блестящими спицами накачали и положили в тень, чтобы посмотреть, как они держат воздух.

Немного передохнув и похрустев утянутым с кухни сахаром, Джо и Майк начали ставить колеса и натягивать парус.

Уже перед самым обедом появился мистер Каспар. Увидев аппарат в полной готовности, он удовлетворенно кивнул:

– Молодцы, ребята. Я уже не думал, что когда–нибудь эта птица снова будет летать.

– После обеда, сэр, мы сможем испытать ее на соли, – сказал Джо.

– Хорошо, возьмите повозку с Пуцелином. Майк знает – это наш ломовой лахман.

– А я думал, мы поедем на буере прямо отсюда, – удивленно сказал Майк.

Каспар и Джо засмеялись.

– Нет, Майк, – пояснил Джо. – Буер – птица гордая, он не побежит по кочкам да холмам. Ему нужен простор. Так что давай его разберем, чтобы сразу после обеда перевезти в долину.

За завтраком работники пытались то один, то другой завести разговор с Майком, чтобы выведать, чем он занимался вместе с новым работником, однако тот отмалчивался, а спросить у самого Джо никто не решался. Уж больно неприступный был у него вид.

Даже Тритни, рассчитывавшая атаковать Джо при дневном свете, решила отложить это на вечер – тот весь ушел в себя и словно никого не видел.

Поблагодарив стряпух, таинственная пара поднялась из-за стола и отправилась в конюшню запрягать в повозку лахмана. Остальные работники проводили их любопытными взглядами, вполголоса обмениваясь предположениями.

Между тем Джо со своим помощником подогнали телегу к сараю и приступили к погрузке. Таскать конструкции на полный желудок было нелегко, однако дело не терпело отлагательства.

Вскоре части буера были погружены, и Майк, подпрыгивая от нетерпения, стал погонять медлительного Пуцелина. Животное почти не реагировало на кнут и, казалось, пребывало в крайнем удивлении – оно еще никогда не таскало такую легкую поклажу.

Беркут шел рядом с повозкой и улыбался, видя нетерпение Майка. Телега выехала на дорогу, лахман зашагал быстрее. Со стороны долин, словно приветствуя парус буера, подул ветер, и впервые Майку показалось, что ветер пахнет свободой, а не йодом.

Вскоре дорога заметно пошла под гору, и впереди открылись простиравшиеся до самого горизонта солончаки. Вся эта ширь переливалась голубоватым, желтым и нежно-розовым, в зависимости от цвета соляных кристаллов. Майк посмотрел вдаль, и ему вдруг показалось, будто он видит парус. Сначала один, потом другой, третий. Он даже вскочил на козлы, чтобы рассмотреть получше.

– Что там? – спросил Беркут.

– Ничего. Показалось... – ответил Майк и стеганул кнутом ленивого лахмана.

Глава 5

Собрать буер во второй раз удалось за несколько минут.

Почти не веря, что все происходит наяву, Майк забрался на неудобное переднее место пассажира и стал ждать отправления, поглядывая на флегматичного лахмана Пуцелина, который пощипывал сухую полынь на кочках.

Наконец и Беркут занял свое место рулевого, и, повинувшись его рукам, на мачте развернулся парус. Он тотчас поймал ветер, колеса скрипнули, и буер покатился. Сначала как-то несмело, а затем все быстрее. Упругие шины запели по шершавому соляному зеркалу, и, по мере того как ветер усиливался, движение буера все больше походило на стремительный полет.

Майк поначалу даже зажмурился от страха, но потом все же собрался с духом и открыл глаза – сначала один, потом другой. Он уже привык к стремительному движению, и оно даже стало ему нравиться, когда парус неожиданно громко хлопнул и буер резко накренился, встав на два колеса.

Майк вскрикнул, решив, что они падают, однако это был всего лишь поворот. Жаль – возвращаться обратно к холмам еще не хотелось, однако в этот момент он заметил то, что заставило Джо развернуть буер обратно.

По соляной глади прямо на них неслись четыре буера. Пока были видны только их паруса, но и этого было достаточно, ведь они были черного цвета.

Майку невольно пришло в голову сравнение с черными хищными птицами, которые преследуют свою добычу, и сейчас этой добычей были они с Джо. Теперь их буер несея обратно к холмам. Время от времени Джо дергал за руль, и аппарат делал ломаные зигзаги. Поначалу Майк не понимал, зачем это нужно, однако все стало ясно, когда со звонким щелчком прямо над его головой пуля пробила парус.

Тем временем расстояние между преследователями и хозяйским буером сокращалось. Вперед вырвался двухмачтовый гигант. Он значительно опережал остальных и старался отрезать добычу от холмов, что у него пока что получалось.

Теперь беглецы двигались параллельно берегу, не делая никаких маневров и ловя ветер всем парусом. Это помогло оторваться от более медлительных преследователей, однако двухмачтовый буер несея как стрела, слегка подпрыгивая на неровностях.

Этот аппарат был выполнен по той же схеме, что и хозяйский, однако был острее носом, со сглаженным корпусом и длиннее раза в полтора.

А еще на нем находились люди. Их было четверо, одетых в черную кожу и вооруженных винтовками. И можно было не сомневаться, что они ими воспользуются.

Как раз в тот момент, когда один из разбойников стал уstraиваться для стрельбы, Джо изменил направление движения, и их буер начал сближаться с противником.

Похоже, для разбойников это стало сюрпризом, они не ожидали от добычи такой прыти. Последовало несколько запоздалых выстрелов, которые, впрочем, лишь взметнули фонтанчики соли, не причинив никому вреда.

Двухмачтовый гигант сбавил скорость, желая избежать тарана, однако Джо именно на это и рассчитывал. Он подвел свой буер вплотную к вражескому аппарату, правым колесом легко поддев его нос, и, проскочив дальше, ушел от столкновения, сбив при этом переднее колесо противника.

Двухмачтовый буер на мгновение встал на нос и, легко оторвавшись от земли, перевернулся вниз мачтами, ломая их и теряя обрывки паруса и оснастки. А Джо Беркут выровнял свой аппарат и снова погнал его к холмам, туда, где их дожидалась повозка с флегматичным лахманом.

Майк боялся, что другие разбойники начнут их преследовать, однако те сразу отстали, обескураженные внезапной потерей своего флагмана.

Глава 6

Едва первые лучи солнца коснулись лица Дюка Лозмара, он вздрогнул и сразу проснулся. Затем приподнялся и медленно обвел глазами комнату. Вспомнив, где находится, Дюк откинулся на подушку и уставился взглядом в потолок, по которому ползали две огромные мухи. Их брюшки отливали ультрамариновым блеском, и на мгновение Дюку показалось, что он бредит.

«Откуда здесь мухи?» – подумал он, но тут же вспомнил, что накануне вечером застрелил Жуасо. При прежнем вожаке этот парень играл роль первого заместителя, однако его выступления Дюку не слишком нравились.

Этот поганец получил пулю, как только дал к тому повод, и теперь валялся где-то неподалеку и отвратительно вонял.

Дюк поднялся со скрипучей кровати и обнаружил, что спал не один. Замотавшись в несвежую простыню, на кровати храпела худосочная девица. Ее звали Триш, это Лозмар помнил. Она тоже досталась ему по наследству от Джема Лифшица, жестокого разбойника, собиравшего свою золотую и кровавую жатву долгих семнадцать лет.

Дюку удалось отравить Джема, хотя тот был хитер как лиса. Он заставил Дюка выпить первым поднесенную чашу, однако тот был хитрее и накануне принял противоядие.

Лифшиц харкал кровавой пеной всю ночь, а наутро отдал концы. И когда впервые встал вопрос о преемнике, Жуасо кричал, что он лучший претендент, однако Дюк Лозмар провозгласил себя новым главарем банды и предложил любому несогласному оспорить это право в честной схватке.

Дюк понимал, что против его стальных мускулов никто не сунется – самоубийство в банде не считалось подвигом. И он не ошибся: никто не проронил ни слова, и все приняли его за главного.

Один только Жуасо не хотел смириться. Но теперь это уже в прошлом.

Почувствовав на себе тяжелый взгляд, Триш тоже проснулась. Она не меньше минуты таранилась на Дюка, пока наконец не признала в нем своего хозяина.

– Пупсик, у нас осталось что-нибудь выпить? – спросила она, с трудом отрываясь от сплюсненной подушки.

– Триш, сколько тебе лет? – неожиданно спросил Дюк, глядя на иссохшее тело женщины с несвойственным ему состраданием. Ему даже и думать не хотелось о том, что он занимался с ней сексом. Не хотелось до тошноты.

– Ты... ты сбрендил, парень? – наконец произнесла она. Еще никто не задавал Триш подобных вопросов за все время пребывания ее в банде.

Дюк, ничего не говоря, поднялся, толкнул скрипучую дверь и вышел из ветхого домика.

Сделав пару шагов, он чуть не наступил на беднягу Жуасо. Тот действительно валялся совсем рядом с апартаментами предводителя, и, помимо флегматичных мух, по нему ползали быстрые рыжие муравьи.

– Фагот! Фагот! – проорал Дюк, словно вызывая дух доктора Лосферга.

Фагот был одним из новообращенных. При Джеме Лифшице все, кому не лень, мешали его с дерьмом, а Дюк его возвысил и не ошибся. Фагот готов был носом рыть землю, чтобы только угодить новому хозяину.

– Я здесь, адмирал! – отозвался верный слуга, появляясь из ближайшей землянки. Лицо Фагота напоминало кочан мороженой капусты, но он бодро улыбался, стараясь не показывать виду, что накануне сильно перепил.

– Дружище, закопай эту падаль, она мешает мне думать! – сказал Дюк, показывая на труп Жуасо.

– Будет сделано, адмирал Лозмар, – отчеканил Фагот и даже попытался козырнуть, но только до крови оцарапал нестриженным ногтем ухо.

– И еще одно дело. – Дюк с таинственным видом поманил Фагота пальцем.

Тот подошел.

– Как ты думаешь, сколько Триш лет? – спросил Дюк.

Фагот пошевелил бровями, почесал макушку.

– А что?

– Иди копай, – буркнул Дюк и пошел к бочке с мутной водой, чтобы освежиться.

Теплая вода неожиданно отрезвила его, и Дюк решил одеться, чтобы своим непотребным видом не разлагать подчиненных, не подрывать дисциплину.

Когда он снова вышел на воздух, жизнь в разбойничьем поселении уже входила в привычную колею. Все бродили злые, высматривая, на ком бы сорвать свое дурное настроение, готовые на любые подвиги.

У Джема Лифшица была своя собственная система планирования нападений, однако Дюк не успел ее постичь, так что приходилось импровизировать.

– Свободные люди острова! Давно мы не тупили наши ножи.

– Давно! – проорали подельники, ожидая от вожака новых приключений.

– А там на холмах, всего в трех часах пути на буерах, стоит богатая ферма! Ферма куркуля Каспара, которому вы не прочь выпустить кишки.

– Не прочь! – проорали члены банды, потрясая ржавыми ножами.

– Тогда предлагаю сегодня же отправиться на разведку! На наших буерах!

И снова крики одобрения сотрясли окружающее пространство.

Между тем Дюк, по мере того как солнце пригревало сильнее, обретал все явственнее облик прежнего ужасного Дюка, человека, склонного к приступам иссушающей злобы и беспричинной жестокости.

Едва сдерживаясь, чтобы не начать стрелять в кого попало, он срывающимся голосом перечислил разбойников, которых выбрал в разведывательный отряд.

Затем все толпой спустились на пристань, где стояло около десятка буеров. Впрочем, половина из них была сломана. Разведчики погрузились на те, что еще держались на колесах.

– Вперед, захватчики! – воскликнул Дюк, запрыгнув на палубу двухмачтового флагмана.

Он потребовал винтовку и принялся палить во все стороны, надеясь подстрелить хоть что-то живое. Однако природа соляных долин была скупа и неотзывчива, и никто, даже самый глупый кролик не забрел сюда с холмов, чтобы своей гибелью потешить воспаленный разум жестокого Дюка. В последний момент он заметил вышедшую на пристань Триш, но в его винтовке больше не было патронов.

Лишь резкий порыв вольного ветра немного успокоил демонов Дюка Лозмара, и он отдался созерцанию проносящегося пейзажа и вою спрессованного воздуха, рвущего полотнища парусов. Буер уносил Дюка все дальше, и на смену тоске приходило предвкушение новых приключений.

Вскоре остров, на котором базировалась банда, скрылся за горизонтом, и стремительно несущиеся буера оказались среди соляного пространства. Лишь гудели паруса да шелестели покрывки колес, неся разведчиков ближе и ближе к стране холмов и богатых непуганых фермеров.

«Если повезет, я уже сегодня убью старика Каспара», – вглядываясь в горизонт, подумал Дюк. Никто не мог помешать ему сжечь эту ферму и забрать драгоценных туков. Никто. Он и раньше ухитрялся держать в страхе всех работников фермы, включая самого Каспара, а уж теперь...

Еще он принуждал к сожительству четырех женщин, две из которых были замужем. И Тритни, конечно, но та не в счет, поскольку была заранее оплачена.

Вот только Софи Баварски строила из себя недотрогу, и именно поэтому Дюку хотелось ее. Ах как ему ее хотелось! Даже сейчас он испытывал необыкновенное влечение к уже не существующей девушке. И оттого, что ее уже не было в живых, Дюку было еще досаднее. Да, он убил ее, но такую девушку, как Софи, можно было бы убить четыре раза, и ему все равно было бы мало.

– Адмирал, впереди холмы! – вывел Дюка из тяжелых раздумий противный голос Фагота.

«Убью я его. Как только найду подходящую замену», – пообещал себе Дюк, однако вслух произнес:

– Смотреть внимательно. Может, заметим стадо туков – их частенько пасут тут на склонах.

Прошлую добычу, которую удалось захватить неделю назад, разбойники уже пропили. На рынке в Куцаке за скот дали совсем немного, поскольку туки были в плохом состоянии.

Дюк хотел пристрелить несговорчивого покупателя, но тот пригрозил, что за ним следит полиция, и бандит пошел на попятную.

Денег Дюк выручил мало, хотя получил в плечо пулю от сопровождавших стадо гиптукеров. Их было всего пятнадцать человек, но они дрались до последнего. А один даже сумел уйти, тот самый, который и ранил Дюка в плечо. Дюк переживал из-за этого ранения, посчитав его личным оскорблением, впрочем, он надеялся еще встретить этого гиптукера на узкой дорожке.

– Вижу парус, босс! – внезапно закричал Корн, одноухий ветеран банды.

Дюк посмотрел в ту сторону, куда указывал Корн, и действительно увидел парус буера, который мчался навстречу разбойникам.

«Кто бы это мог быть?» – подумал Дюк. Он знал всех фермеров в округе, и только у некоторых из них были буера.

– Правьте на него! – приказал Дюк, и аппараты под остроконечными черными парусами продолжили свой бег.

Между тем неизвестный бедолага еще не видел опасности и продолжал сближаться с разбойниками. Впрочем, в последний момент он все же заметил угрозу и, профессионально поставив буер на два колеса, сделал резкий разворот.

– Да он прыткий парень! – воскликнул Дюк, которому понравился маневр незнакомца. – Эй, Корн, дай мне винтовку!

Одноухий разбойник тотчас подал боссу оружие, и тот, прицелившись в ухотивший буер, несколько раз нажал на курок.

Пули ушли далеко вперед, и было непонятно, поразили ли они хотя бы парус или расстранили злобу Дюка в бесполезном полете.

Тем не менее двухмачтовый флагман Дюка Лозмара уверенно нагонял беглеца и вскоре, обойдя его справа, стал отрезать от берега, где тот наверняка надеялся найти спасение.

– Убейте этого парня! Я хочу посмотреть на его шляпу! – скомандовал Дюк. Ему все больше казалось, что это тот самый враг, которому он остался должен пулю, однако точно определить было невозможно, потому что буера подпрыгивали на соляных кочках и дергались из стороны в сторону, послушные резким порывам ветра.

Устроившись поудобнее, Корн тоже выстрелил несколько раз, однако преследуемый буер ловко сманивировал, и пули Корна ткнулись в твердую соль.

Дюк видел рулевого только мельком, но шляпа... Эту шляпу он уже видел. Думать о том, как его враг мог оказаться в этом буере, было некогда, да и неохота, его занимало только одно – отомстить.

А между тем жертва не собиралась сдаваться и словно в порыве отчаяния пошла на таран.

– На руле! Смотреть в оба! – прокричал Дюк, и его двухмачтовый гигант стал сбрасывать скорость. Однако напористый враг в отвратительной шляпе гиптукера продолжал свою атаку.

Он мастерски подсек нос двухмачтового буера и снес его в сторону, повалив буер на твердое соленое зеркало.

– Сволочь! – только и успел выкрикнуть Лозмар, а затем весь мир перевернулся вверх тормашками и треск мачт заглушил вопли несчастной команды. Удар, полет, еще удар – и Дюк погрузился во мрак и молчание.

Глава 7

Даже с того места, где стоял невозмутимый лахман, было видно, как черные точки суеются вокруг перевернутого двухмачтовика. Впрочем, Майк и Джо старались не смотреть в ту сторону, они деловито разбирали свой буер и грузили на повозку.

Ни тому, ни другому не хотелось говорить о близкой опасности, ведь то, что они оба остались живы, было лишь счастливой случайностью.

Со стороны фермы показалась легкая двуколка, на которой ехал сам Каспар. С ходу оценив обстановку, он долго смотрел в бинокль на долину, потом сказал:

– Вы их здорово обидели, ребята. Быть беде...

В полном молчании буер уложили на повозку, и лахман бодро потащил ее к ферме. Он помнил об удобном стойле и мере овса, которая причиталась ему за работу.

Когда Каспар, Джо и Майк вернулись на ферму, им показалось, будто ничего и не произошло, таким обыденным и спокойным казалось все вокруг. Мужчины в ожидании ужина обсуждали свои никчемные делишки, женщины за стряпней стреляли глазами, намечая ночные победы, а возвратившиеся с холмов туки счастливо вдыхали запах жилья. Переев горькой полыни, они громко испускали газы и мечтали о тишине.

Погруженный в собственные мысли, Майк пошел в жилое помещение. Когда он приблизился к кровати Герхарда Баварски, с которой тот почти не вставал, старик открыл глаза и сказал:

– Смерть ходит где-то поблизости, сынок.

– Ты о чем это, дедушка? – испуганно спросил Майк.

– Не все доживут до утра, – ответил Герхард, глядя прямо перед собой. Майк невольно обернулся. Но он не увидел того, что видел старик.

– Перестань, дедушка, нас много, и у нас есть ружья. Нам никто не страшен.

– Нет, Майки, я старый человек, и я знаю, на что это похоже... Она несколько раз подбиралась ко мне совсем близко...

Старик Баварски приподнялся на смятой подушке и указал трясущейся рукой в темный угол.

– Я вижу ее, вон она, притаилась с косой в руках... Она ждет своей жатвы – она ее чувствует...

– Дедушка! – воскликнул Майк. Страх холодком пробежал по его спине, ноги стали как ватные. А старик все сидел, вытянув перед собой худую руку – трухлявое дерево с торчащей высохшей веткой, и Майк не осмеливался обернуться еще раз, опасаясь увидеть то, что ясно видел старый Герхард.

К счастью, скрипнула дверь, и вошел Батрейд. Майк не питал к нему особой привязанности, но сейчас был необыкновенно рад видеть этого толстого безобидного человека. Он был намного реальнее, чем угасающий старик Баварски, стоявший одной ногой в могиле.

– О, чего это вы в темноте сидите? – бодро спросил толстяк. Он зажег светильник, лампа громко затрещала.

– Ты уже поужинал, Батрейд? – спросил Майк.

– Да ты что, как же я мог поужинать, если еще не накрывали... Когда я проходил мимо кухни, оттуда только понесли кастрюлю с супом. Сегодня его сварили из гусиных потрошков. – Батрейд почмокал губами и, обращаясь к Майку, спросил: – А ты какой суп больше уважаешь, Майки?

– Я? – удивился тот. Мысль о супе никак не умещалась в его встревоженном сознании.

– Ну да, ты. Ведь мистеру Баварски давно уже все равно, что он ест.

Майк покосился на старика. Тот лежал, откинувшись на подушки, и снова смотрел сквозь потолок, как будто действительно видел иные, неведомые миры.

– Что тебе принести, дедушка? – спросил Майк, проверяя, жив ли еще старый Герхард. Однако тот даже не пошевелился. Он давно уже не обращал ни на кого внимания, если только сам не хотел этого.

– Принесешь ему молока и хлеба, – ответил за мистера Баварски Батрейд. – Разве не знаешь, старики ничего другого не едят.

Отыскав в шкафчике какую-то нужную ему вещь, Батрейд направился к выходу.

– Ну что, пошли? – спросил он, оборачиваясь к Майку.

– Да, – поспешно ответил тот, словно опасаясь, что, останься он здесь один, старик Баварски затянет его с собой в черную пучину небытия.

Во дворе Майку стало легче, и он с наслаждением вдохнул вечерний воздух, пахнувший навозом туков и дымом от печи. Здесь, за окружавшим со всех сторон ферму высоким забором, время, казалось, остановилось навсегда и все шло так, как шло извека.

Вот сейчас одна из стряпух выйдет из кухни и крикнет: «Ужин остывает!»

– Ужин остывает! – пропела своим звонким голосом Гертруда, замужняя женщина и мать двоих детей. У нее была отдельная комната во флигеле.

– Руки мыл? – строго спросила она у Майка, и тот широко улыбнулся, поскольку слышал это много раз.

– Я быстро, – сказал он и побежал к рукомойнику, где-то в глубине души тая страх, что эта картина благополучия неожиданно растает.

Глава 8

Ночь прошла беспокойно. Каспар раздал мужчинам винтовки, и они патрулировали округу, спускаясь к самой долине.

С одной из команд к соляной глади ходили Джо и Майк. Майку ружье не доверили, зато у Джо был отличный пистолет.

До самого утра работники вслушивались в шум ветра, стараясь различить шорох буерных колес, однако ничего так и не произошло. Когда взошло солнце, все отправились по делам, а Майку и Джо Каспар разрешил отоспаться.

Примерно в час дня, когда работники собирались к обеду, откуда-то издали послышался крик.

Майк подскочил от ужаса – так мог кричать только умирающий. Этот крик был исполнен тоски и смертельного страха.

Джо Беркут моментально оказался на ногах и первым выскочил из помещения во двор.

– Они идут со стороны пустоши! – крикнул кто-то. Прогремело несколько выстрелов. Майк подбежал к забору и, подпрыгнув, взобрался наверх.

То, что он увидел, его поразило. Со стороны пустоши, где не так давно вся трава была уничтожена огнем, мчались несколько десятков всадников. Пять или шесть пастухов, попытавшихся от них убежать, в одну секунду были растоптаны, и разбойники продолжили наступление на ферму.

– Сажайте женщин и детей на повозку, мы их задержим! – кричал хозяин, потрясая винтовкой.

Некоторые из работников-мужчин уже забрались на крыши сараев и открыли по нападавшим частый огонь. Однако стрелки они были плохие, только один всадник полетел на землю, остальные же благополучно добрались до ограды.

Вскакивая на седла ногами, разбойники с ходу перепрыгивали через забор и в упор расстреливали защитников фермы. Грузенная детьми и женщинами повозка наконец тронулась с места, и ломовой лахман, чуя опасность, взял с места в галоп.

Когда повозка проскочила сквозь ворота, за ней увязались два всадника, но выбежавший следом Каспар метким выстрелом сбил одного из них. Другой бандит, выстрелив в ответ, попал ему в грудь, но сам был тотчас сражен пулей Джо Беркута.

– Хватай ружье хозяина! – крикнул Джо онемевшему от страха Майку и, выстрелив еще дважды, уложил пару перебивавшихся через забор бандитов.

Однако незначительные потери не остановили нападавших, они сыпались через забор словно горох, стреляя во все стороны и добывая раненых ножами.

– Давай за ворота! – скомандовал Джо, понимая, что внутри ограды все уже кончено.

Майк решил было, что Джо собирается бежать на своих двоих, однако тот поступил иначе. Брошенные всадниками лахманы беспокойно носились вокруг фермы, и Джо быстро приманил двух из них, просвистев какую-то странную мелодию.

Забросив в седло полуживого от страха Майка, Джо вспрыгнул на второго лахмана, и тут со двора выскочили бандиты. Увидев на своих лахманах чужих людей, они дали дружный залп, и шквал свинца обжег Майка горячим дыханием. Лахман под ним рванул с места и понесся с такой скоростью, что у Майка едва не заложило уши. Краем глаза он успел увидеть, что Джо тоже скачет, правда, в другую сторону и едва держась в седле.

Наверное, он был ранен, но сейчас Майк не мог думать ни о чем, кроме того, как бы не упасть и не разбиться о землю.

Он был не слишком умелым наездником, а висевшая на ремне винтовка болталась из стороны в сторону, больно колотя Майка и лахмана по бокам. Может быть, поэтому скакун

неудержимо продолжал нестись вперед, и Майк лишь краем сознания отметил, что они движутся под гору, в сторону соляных долин.

Сколько продолжалась эта скачка, он не знал, однако, когда притомившийся лахман перешел на шаг, Майк наконец огляделся и понял, что находится в совершенно неизвестном ему месте. Куда ни глянь, ровная гладь простиралась до самого горизонта.

Осторожно натянув вожжи, он заставил лахмана остановиться и сполз с седла, чтобы размять ноги. После такой скачки зад был одной сплошной ссадиной, что мешало радоваться чудесному спасению.

– Как хоть тебя зовут? – спросил Майк у скакуна, однако тот неожиданно мотнул головой и едва не вырвал повод из рук нового хозяина.

– Стоять! – крикнул Майк и, вцепившись в уздечку обеими руками, повис на ней всем телом.

Поняв, что побег не удался, лахман остановился и закивал головой.

– Нет, дружок, теперь ты меня не обманешь.

Закинув винтовку за спину, Майк, морщась от боли, забрался обратно в седло и, оглядевшись еще раз, заметил первый ориентир.

Это был далекий столб черного дыма, который поднимался над фермой – в этом не было никаких сомнений.

Майк вспомнил Герхарда Баварски, которого наверняка убил Лозмар. А еще он вспомнил, как накануне старик говорил о грядущей гибели фермы.

«Вот я и остался один», – подумал Майк и тяжело вздохнул. Совсем не так он представлял себе свободу, о которой столько мечтал.

В последний раз взглянув на дым, он дернул поводья, и лахман зашагал дальше – в глубь соляных долин, к островам, которые, по мнению Майка, должны были находиться где-то там, впереди.

Глава 9

Спустилась ночь, и на небе зажглись звезды. Темнота принесла успокоение, Майк, смирившись с судьбой, мерно покачивался в седле. Он даже не заметил, что лахман подошел к острову, и, только когда тот начал взбираться вверх по склону, наездник наконец разлепил глаза и понял, что они достигли земли.

Пройдя еще с полсотни метров, лахман остановился и стал щипать на кочках траву. Решив, что животное устало и больше не попытается сбежать, Майк спустился на землю.

Он попытался сделать шаг и схватился за лахмана, чтобы не упасть, – ноги совсем одеревенели и казались чужими.

Кое-как добравшись до возвышенности и подтащив за собой лахмана, Майк снял с него уздечку и спутал ею ноги скакуна. Затем привалился к небольшому корявому кусту и, прижав к груди винтовку, заснул.

Никогда еще Майк не спал так крепко. Переживания последних суток вереницей смутных образов проносились перед ним. Выстрелы, крики карабкавшихся через забор бандитов и уносящаяся по пыльной дороге повозка, перегруженная детьми и голосащими женщинами.

Наконец, израсходовав весь запас кошмаров, утомленное сознание успокоилось, и Майк погрузился в полноценный целительный сон. Однако длился он недолго, потому что Майка больно ткнули в плечо.

– Вставай, крысенок! Ты попался! – проскрежетал кто-то над его ухом.

Майк открыл глаза и, шурясь от солнца, увидел вооруженных людей, стоявших полукругом. Один из них держал за стремя спутанного лахмана, который за ночь наелся травы и выглядел бодро.

– Вставай или получишь по ребрам! – снова прикрикнули на Майка, и он спешно поднялся.

– Давай вперед и не оглядывайся, – потребовал небритый субъект, голова которого была замотана цветастой тряпкой. Майк покорно пошел по узкой тропе, которую ночью он просто не заметил.

«Ну все, пропал, – подавленно размышлял он, – теперь я точно пропал. Лозмар разрежет меня на куски».

От таких мыслей Майк окончательно проснулся. Умирать теплым, солнечным утром было глупо, к тому же очень хотелось есть и пить, поскольку только лахманы могли пить воду из соленых луж, а Майк бежал, не захватив с собой, естественно, ни воды, ни хлеба.

Постепенно тропа начала спускаться под гору, и вместо уродливых кочек стали попадаться довольно большие, поросшие зеленой травой прогалины. Майка это настолько удивило, что на мгновение он забыл о нависшей над ним смертельной опасности.

Исполняя требование конвоиров, он не оборачивался, однако по звукам шагов позади себя определил, что с ним идут только трое и последний ведет его лахмана. Из всего этого следовало, что его поймали совершенно случайно и остальные разбойники отправились дальше, по своим делам.

Тропинка вильнула в очередной раз, миновала колючий кустарник и вывела к небольшому поселению, состоявшему всего из нескольких домов. И хотя видно было, что дома эти собраны из подручного материала, бросалось в глаза, что кто-то все как следует спланировал и подогнал все детали друг к другу с большой аккуратностью.

Вокруг домов стояли деревья, носившие следы постоянного ухода и обильного полива. Их густые кроны чрезвычайно удивили Майка, которому не приходилось видеть ничего выше малинового куста.

Позабыв обо всем, он обернулся, чтобы спросить о деревьях, и тут же получил тычок в спину, от которого едва не упал.

Завидев пленника, на небольшой площади между домами стали собираться люди. Их набралось не больше двадцати человек, и в основном они выглядели так же, как и конвоиры Майка.

Один из них выделялся своей странной одеждой. Помимо кожаных штанов и куртки, на нем были высокие сапоги, меховой цилиндр и золотое пенсне. И по тому, как окружающие старались не загораживать ему обзор, Майк понял, что это и есть местный предводитель.

«Неужели здесь нет Лозмара?» – удивился он, и надежда легонько коснулась его своим крылом.

– Кто это? Где вы его нашли? – спросил экстравагантный джентльмен, поблескивая на Майка стеклами пенсне.

– Он спал прямо на тропе, сэр, – сообщил неприветливый конвоир Майка. – Эти «собаки» послали его в разведку. Судя по седлу его лахмана, это не простой боец, а какой-нибудь сержант.

– Сержант? – Предводитель скорчил гримасу. – Да это ребенок, вы что, не видите?

Он подошел к пленнику, пристально посмотрел ему в глаза и неожиданно резко ударил ладонью по лицу. Пощечина ослепила Майка, и он, потеряв равновесие, упал на спину.

– Ты думаешь, я злой? – донесся откуда-то издали вкрадчивый голос. – Я не злой. Просто я стараюсь предупредить твое вранье, мальчик. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Майк кивнул.

– Вот и отлично. Поднимайся, я тебя не убил. А теперь скажи мне, как тебя зовут и откуда ты?

– Меня зовут Майк Баварски... Я убежал с фермы мистера Каспара.

– А зачем ты убежал с фермы, мальчик? – Стеклошки пенсне еще раз блеснули, и Майк, зачарованный их зеркальным блеском, ответил:

– Ее сожгли, сэр...

– Кто?

– Дюк Лозмар и его люди, сэр.

– Кто такой Лозмар? – Предводитель распрямился и обвел окружающих взглядом, однако ему никто не ответил. Все только пожимали плечами: о таком человеке никто из них не слышал.

– Вот видишь, мальчик, ты лжешь мне...

Человек в пенсне виновато развел руками и отпустил Майку еще одну затрещину. И хотя на этот раз тот удержался на ногах, на разбитых губах выступила кровь.

– Я говорю правду, мистер! – в отчаянии закричал Майк. – Они убили всех мужчин, и только женщины с детьми успели уехать на повозке!

– Не кричи, мальчик, прошу тебя! – приказал главный. – У тебя лахман с эмблемой «собак», а ты мне говоришь о каком-то Лозмаре! А между тем жоака «собак» зовут не Лозмар, а Лифшиц. В этом вся штука.

– Это не мой лахман, его для меня поймал Джо! – размазывая по лицу кровь, оправдывался Майк.

– А кто тогда этот твой Джо?

– Он устроился работать к мистеру Каспару, а на следующий день на нас напали... Они прыгали через забор и стреляли... Их лахманы бегали в беспорядке, поэтому Джо поймал двоих, и мы поскакали. Только вот Джо, кажется, ранили.

– Эй, Шило, – обратился предводитель к разбойнику, который привел Майка. – Что-то я не пойму. Выходит, этот мальчик – не шпион «собак»?

– Вам виднее, сэр, – пожал тот плечами.

– Ну это понятно.

Предводитель снял пенсне и, протерев его замшевой тряпочкой, снова водрузил на прежнее место.

– Ладно, все свободны, шоу закончилось. А ты, Майк Баварски, пойдешь со мной. Я должен записать твои показания самым подробнейшим образом. Кстати, меня зовут Алонсо Морган.

– Очень приятно, мистер Морган.

– А раз приятно, ты должен вступить в ряды «барсуков». Понимаешь?

– Нет, сэр.

– А вот так говорить не нужно, дорогой Майк, иначе я снова залеплю тебе по физиономии, – грустно произнес предводитель, и Майк сразу же закивал:

– О да, сэр, с великим удовольствием стану «барсуком»!

– А что делать мне? – спросил Шило, который после освобождения Майка из-под ареста остался без дела.

– Догоняй Фердинанда. Ведь ты, кажется, должен был идти вместе с ним. А трофейного лахмана отведи в конюшню и сотри с седла эту дурацкую эмблему. Теперь это скакун одного из «барсуков». Понятно?

– Понятно, сэр, – в один голос проговорили Шило и второй разбойник, который держал лахмана под уздцы.

Глава 10

Казалось, Алонсо Морган полностью забыл о намерении записать показания Майка – он не спеша водил его по окрестностям поселения, показывая удивительные плоды труда «барсуков».

По склонам холмов террасами спускались грядки и небольшие ухоженные луга; на этих террасах имелись даже оросительные каналы, выложенные черепками от битых тарелок. Все это вызывало у гостя неподдельный интерес, и Морган этому очень радовался.

– А вот это наша гордость, – объявил он, указывая на некое подобие башни, сложенной из крупных кремниевых осколков. – Как ты думаешь, что это?

– Признаюсь вам честно, сэр, ничего подобного я не видел.

– Так я и думал, – самодовольно улыбнулся Алонсо, – а между тем это наш генератор воды.

– Генератор воды? – удивился Майк.

– Вот именно. На этих камнях конденсируется вода из воздуха. Затем она стекает вниз и скапливается в бассейне. Ну а где вода, там жизнь.

– Это вы все придумали?

– Конечно, я, – скромно признался Алонсо. – Но это было несложно, ведь в прошлом я был выдающимся инженером-ирригатором...

Вдруг, что-то вспомнив, он остановился и снял с головы свой меховой цилиндр. Немного его помяв, предводитель снова надел головной убор и сказал:

– Из твоих показаний, Майк, следует, что у «собак» новый предводитель. Так?

– Не знаю, сэр.

– Но ты сказал, что людьми Лифшица командовал Лозмар?

– Нет, сэр. Мне известно только то, что Дюк сбежал к разбойникам, а Джо опознал его, когда он со своей шайкой напал на него и других гиптуккеров.

– Стоп! Уж не тот ли это Джо, которого зовут Джо Беркут?! – воскликнул Алонсо.

– Да, он говорил мне, что его зовут Джо Беркут, – признался Майк, опасаясь, что Морган снова обрушится на него с кулаками. Однако тот только часто задышал, а спустя полминуты уже взял себя в руки.

– Джо Беркут – убийца с лицом философа. Из команды «барсуков» он забрал пятерых! Ты умеешь считать, Майк?

– Да, сэр, – быстро ответил тот.

– Тогда представь себе, как выглядит шеренга из пяти мертвецов. Представил?

– О да, сэр, – соврал Майк.

– Ну и каково тебе?

– Ужасная картина, сэр.

– Да, ужасная, – подтвердил Алонсо. – Правда, он убивал и «собак». Пожалуй, Лифшиц потерял солдат даже больше, чем я.

– А кто же он такой, этот Джо Беркут, сэр? – осторожно спросил Майк. – Он наемный убийца?

– Да нет, какой он убийца, – махнул рукой Алонсо. – Просто он чрезвычайно хитрый гиптуккер и раньше частенько проводил скот, минуя наши заставы. И еще он здорово торговался, даже когда мы перекрывали им дорогу. Отдавая нам пять дойных самок, Беркут непременно ухитрялся всучить трех хромых быков.

Оба помолчали, и каждый думал о своем. Затем Морган повторил еще раз, что Беркут отлично торговался, и добавил:

– Уж ты мне поверь, парень, в прошлом я был заслуженным работником торговли.

И снова они помолчали, глядя на дрожавшие в долинах миражи.

– Ты умеешь стрелять, Майк? – спросил вдруг Алонсо, не отводя взгляда от горизонта.

– В общем-то умею, сэр, но не очень метко. У меня совсем не было практики...

– Теперь она у тебя будет. Уж если в какой банде случилась узурпация власти, непременно начинаются войны. У «собак» не меньше сотни солдат, потому что у них большой остров. У нас остров маленький и народу мало, поэтому стрелять должны все, притом очень хорошо. Нас и так всего тридцать восемь, но, как только ты пройдешь посвящение, нас станет тридцать девять.

– А что это за посвящение? – спросил Майк.

– О, пустяки. Новичкам мы накалываем на заднице изображение барсука.

– А чем накалывают? – дрогнувшим голосом спросил Майк.

– Естественно, раскаленным гвоздем, – буднично ответил предводитель «барсуков» и, посмотрев на Майка долгим взглядом, зашелся хриплым смехом, перешедшим в громкую икоту.

Справившись наконец с этим и утерев выступившие слезы, Алонсо сказал:

– Расслабься, парень. Это шутка. Обычная цирковая шутка, из тех, что я проделывал, когда работал клоуном. Второго такого комика не было на всем полушарии.

Глава 11

Так Майка приняли в банду «барсуков». Ему выделили койку в одном из домов, возвратили винтовку и показали стойло, в котором стоял его лахман.

Теперь каждый его день начинался с работы вместе с остальными членами банды. Часть из них уходила на разведку, а остальные занимались благоустройством острова.

Затем следовал обед, после которого Майка освобождали от дальнейшей работы, и вместе с Алонсо Морганом он шел тренироваться в стрельбе.

По дороге к излюбленному рубежу для стрелковых упражнений Морган по многу раз излагал Майку свои взгляды на жизнь.

– Пойми меня правильно, Майк, никому не хочется быть душегубом. В каждой живой твари есть стремление к созиданию, главное – это стремление обнаружить, выделить, а потом можно созидать до бесконечности.

– А что такое «созидание»?

– Это просто, Майк. Ты идешь, видишь кучу дерьма и не проходишь мимо, а тут же это дерьмо утилизируешь.

– Как это – «утилизируешь»? – недоумевал Майк. – Ведь если идет стадо туков, так устанешь за ними утилизировать.

– Ну утилизируй следы хотя бы одного тука, и это будет начало твоего собственного порядка.

– И что, так считают все «барсуки»? – спросил Майк, но Морган ответил не сразу. Он подал носком сапога большой кристалл розовой соли, покривился и наконец ответил:

– Увы, мой друг, это не так. Большинство людей отвратительны в своем невежестве и эгоизме. Тот же Лозмар сжег одну из лучших ферм, и кто теперь вместо Каспара будет собирать туков для перегона через долины? Никто. А стало быть, и нам, и «собакам» поживиться будет нечем...

Когда они наконец добирались до горки крупных обломков соли, Морган начинал подбрасывать их в небо, а Майк стрелял и выслушивал его советы.

Поначалу он не попадал вовсе, но, обычно очень раздражительный, Морган проявлял удивительную терпеливость. Если Майк жаловался на яркое солнце и блеск соли, предводитель напоминал, что в долине такая погода почти всегда и требуется хорошо стрелять именно при нестерпимом блеске.

С другими членами банды отношения тоже складывались нормально. «Барсуки» были незлобивы и больше напоминали наемных работников с фермы, чем людей, кормящихся разбоем.

Однажды утром Морган вышел из своего личного домика, когда все завтракали, сидя под навесом. Подойдя к Майку, он сказал:

– Сегодня мы идем перехватывать стадо туков. И ты пойдешь с нами. Стрелять тебе не придется, но ты должен увидеть, как все это происходит на деле.

– Конечно, сэр. Спасибо.

– Скажешь спасибо Шилу, если вернешься живым, – он будет опекать тебя во время похода.

Глава 12

Ехать до места засады пришлось около трех часов, и, как оказалось, двое из банды «барсуков» уже находились на месте, на тот случай, если туков погонят раньше указанного времени.

Прибывшие спешили и рассредоточились, заняв места возле озерцов крепкого рассола. Испарявшаяся вода создавала некое подобие зеркала и надежно скрывала находившихся в засаде разбойников. Только приблизившись на сотню метров, можно было обнаружить опасность, однако к тому моменту было уже поздно что-то предпринимать.

– Сколько мы заберем туков, Шило? – спросил Майк, глядя на приготовления.

– Не больше трех, – ответил тот, почесывая небритую щеку.

– А почему не взять все стадо?

Шило посмотрел на Майка долгим взглядом:

– Разве Морган ничего тебе не объяснял?

– Что именно?

– А то, что мы кормимся с этих поборов. Если начнем сильно обижать гиптуккеров, они будут искать другие маршруты. А так мы берем себе совсем немного – что-то вроде налога, а остальной скот пусть себе гонят в город... Между прочим, «собаки» нас именно за это и ненавидят, потому что все погонщики стремятся перейти долину на нашем участке.

– Но Морган сказал, что здесь бывает довольно опасно, – возразил Майк. – Он сказал «если вернешься живым»...

– Он просто нагоняет страху, – пояснил Шило. – Это раньше, лет пять назад, были настоящие бои между гиптуккерами и нами, хозяевами долин. Тогда еще существовала полевая жандармерия. Они частенько поджаривали нам задницы...

– А где теперь эта жандармерия?

– Не знаю. – Шило пожал плечами и поправил пистолет, торчавший за поясом. – Говорят, их сократили, а почему – мне неизвестно.

– А куда потом девается скот, который вы забираете?

– По-разному, – ответил Шило и как-то странно потянул носом.

«Как настоящий барсук», – восхищенно подумал Майк. Вообще, чем дольше он наблюдал за этим кривоногим человеком, тем больше подмечал в его движениях и жестах какую-то звериную грацию.

– По-разному, – снова повторил Шило, успокоившись. – Некоторых пускаем на мясо, других отгоняем в город... Хотели собрать себе племенное стадо, чтобы мальзиву продавать, но остров у нас маленький, даже по науке много не прокормишь.

Шило присел на корточки и хлопнул по колену своего лахмана. Тот сразу улегся на утрамбованную соль и сладко зажмурил глаза.

Ляхман Майка тут же, без всякой команды, растянулся рядом на земле, чем вызвал недовольный взгляд Шила.

– Сразу видно, что это животное совершенно не учили дисциплине, – сказал он. – У «собак» это не приняло... Тебе придется учить его, парень, иначе эта скотина сядет тебе на шею.

Услышав обращенное к нему слово «скотина», скакун Майка повернул голову и пристально посмотрел на Шило, сосредоточенно пожевывая губами, словно собирался плюнуть тому в лицо. Затем коротко вздохнул и отвернулся.

Майк и Шило невольно переглянулись.

– Чего это он? – спросил Майк.

– А избалованный очень. Я же говорю – порядка не знает.

– Ты часто бывал в городе, Шило?

– Смотря в каком, – пожал тот плечами. – В Куцаке был только раз, а в Ларбени жил четыре года. Поэтому я всегда вожу туда на продажу туков – Морган мне доверяет... Стой, – насторожился вдруг Шило. – Чувешь, земля дрожит?

– Нет, – признался Майк.

– А я чувю... Туков гонят – и гонят очень быстро. – Шило поднялся на ноги. – Так ведь недолго и скотину испортить...

Будто услышав его, находившийся чуть поодаль Морган обернулся. Майк увидел, как блеснули стекла его пенсне.

– Их уже преследуют, сэр! – доложил Шило, которого прозвали так как раз за его острое чутье.

– Понятно! Всем в седло, стадо пропускаем! – скомандовал Морган, и отдохавшие лахманы тут же вскочили на ноги.

Шило помог Майку, потом запрыгнул на своего скакуна и дал ему шпоры.

Действия Шила упрощали Майку управление, поскольку его трофейный лахман повторял действия своего товарища. Оставалось только держаться в седле и ждать указаний Шила: Майк уже успел оценить опытность этого человека.

Теперь небольшая команда «барсуков» мчалась в сторону от возможного маршрута туков, и пока что Майку было непонятно, зачем они это делают. Впрочем, вскоре Шило остановил лахмана и дождался Майка и еще двоих членов банды. Это были Кастор и Флорентино, обыкновенные среднестатистические бойцы.

– Готовь винтовку, Майк! – приказал Шило, впервые назвав своего подопечного по имени. – Будешь скакать позади нас и можешь вообще не стрелять – твоя задача сейчас не вылететь из седла! Понял?

– Понял, сэр! – ответил Майк, чувствуя сильное волнение и дрожь в руках. – А что мы будем делать?

– Карать нарушителей, парень. Они охотятся на нашей территории, а в долине это самое страшное преступление!

– Они идут, Шило, – сказал Кастор, держа наготове скорострельную винтовку. Его лахман нетерпеливо перебирал ногами, размалывая покрывавшую землю толстую корку соли.

Гул от сотен копыт тяжелых туков действительно становился слышен все явственнее, и в какой-то момент Майк услышал выстрелы.

– Это не наши, – тут же сказал Шило. – Это гиптуккеры отстреливаются.

Скоро парящее марево заколыхалось, и Майк увидел размытые силуэты животных, скакавших на пределе сил, пригнув к земле свои рогатые головы.

Среди их темной массы мелькнуло несколько всадников и наконец плотная группа преследователей, состоявшая из нескольких десятков человек.

«Неужели мы нападём на этих людей? – тревожно подумал Майк. – Ведь нас всего восемь человек – четверо здесь и четверо по ту сторону стада».

Он посмотрел на Шило в надежде, что тот все сейчас отменит, однако он только тихо скомандовал:

– Пошли, – и стал не спеша разгонять своего лахмана.

Следом за ним выстроились Кастор и Флорентино, которые тоже вели себя довольно спокойно.

Майку ничего не оставалось, как пристроиться последним, стараясь держать винтовку в одной руке, как это делал Кастор.

Мелкая соляная пыль поднималась из-под копыт туков, и, чтобы защититься от нее, «барсуки» закрыли лица шейными платками. Вскоре четверка бойцов уже мчалась во весь опор, постепенно нагоняя стадо и преследовавших его людей. Майк ждал, что вот-вот последуют выстрелы, однако этого не происходило, и погоня продолжалась.

Пока что лахман Майка вел себя вполне прилично, если не считать нервного подергивания ушами. Благодаря его легкому бегу Майк держался довольно уверенно, балансируя тяжелой винтовкой.

Вот уже стали отчетливо видны спины преследовавших стадо разбойников. Они были настолько увлечены погоней, что даже не догадывались о приближении опасности. Однако все же их было очень много – даже больше, чем Майку показалось вначале.

Наконец Шило поднял винтовку и выстрелил. Один из «собак» – а то, что это были они, не вызывало сомнений – вскинул руки и повис на стремях. Следом за ним полетел на землю второй, потом третий.

Шило, Кастор и Флорентино выстроились фронтом и посылали пули в спины врагов, сбивая одного за другим с обезумевших лахманов.

Не понимая, откуда летят пули, «собаки» принялись стрелять во все стороны, в пыльной пелене поражая своих же людей. Весь отряд закружился на месте, сбился в кучу, о захвате туков уже никто не думал.

Между тем «барсуки» не прекращали яростного огня и, не тратя времени на перезарядку винтовок, выхватывали пистолеты и продолжали стрелять.

Крики, топот лахманов и частая пальба – все это, словно вихрь, закружило Майка. Ему казалось, что все это сон. Ему было жарко, и он не знал, что делать дальше.

Некоторые из «собак» уже пустились в бега, однако другие, наоборот, приходили в себя и открывали ответный огонь.

– Уходим! – крикнул Шило и дал шпоры своему скакуну, однако в этот момент сразу две пули настигли Кастора, и он вылетел из седла. Перепуганный лахман Майка рванул в сторону и помчался прямо на огрызающихся огнем «собак».

Пули засвистели над головой Майка, и он тоже нажал на курок, однако выстрел ушел в небо, поскольку при такой бешеной скачке прицелиться было невозможно. А тем временем искаженные ненавистью и испугом лица стремительно приближались, и Майку ничего не оставалось, как громко закричать.

Один из «собак» выхватил здоровенный тесак и взмахнул им, пытаясь достать Майка, однако тот успел пригнуться, и злобное жало просвистело в дюйме над его макушкой. Попутно Майк случайно задел прикладом одного из врагов, и тот полетел на землю, схватившись за разбитое лицо.

Еще несколько выстрелов в упор прогремело рядом, но и они только опалили Майку лицо и добавили скорости его глупому лахману.

– Уходим! – уже издали кричал Шило, и его голос наконец достиг ушей скакуна Майка. Животное сделало резкий поворот влево и снова помчалось что было силы, преследуемое частым посвистом пуль.

Наконец после десятиминутной скачки Майк присоединился к Моргану и Шилу, а также к еще двум уцелевшим бойцам. Совместными усилиями им удалось остановить и успокоить разгоряченное животное Майка, и Морган тут же дал ему имя:

– В жизни не видел лахмана глупее и быстрее этого. Назовем его Шустрик. Ты не против, Майк?

– Нет, сэр, – ответил тот, едва переводя дух. Он пытался понять, что же произошло. Уже одно то, что во время этого короткого кошмара он не потерял винтовку, вселяло в Майка некоторую толику оптимизма.

– А почему мы стоим? Они ведь могут помчаться за нами следом, – сказал он.

– Мы на это очень надеемся, – изрек Морган и, сняв с покрасневшего носа пенсне, вытер его своей неизменной тряпочкой.

Вскоре послышался стук копыт и в полуденном мареве показались всадники. Увидев «барсуков», они придержали своих лахманов, затем выстроились парами, и первая пара на рысях пошла на «барсуков».

– Шило! – воскликнул Алонсо, и Шило тут же встал в пару с предводителем. Они также пустились рысью, и где-то впереди в мгновение, которое Майк так и не сумел уловить, послышался залп, затем другой. Двое упали на просоленную землю, однако Морган и Шило вернулись назад.

И снова «собаки» пустили пару, и «барсуки» пошли им навстречу. И снова выстрелы – и Шило с Морганом вернулись обратно.

– Вы просто молодцы! – воскликнул Майк, едва обретя способность говорить, однако по бледному лицу Шила стало ясно, что на этот раз ему не повезло. Флорентино подхватил его на руки, иначе он свалился бы на землю.

А от «собак» приближалась еще одна пара.

– Гвинет! – позвал Морган другого бойца.

– Нет! – неожиданно выкрикнул Майк. Ему показалось, что он узнал рослого седока, который прорисовывался из туманного марева.

– Но... – возразил было Гвинет, отличный стрелок и вообще крепкий парень.

– Пусть идет, – тихо сказал Морган, у которого на правом предплечье расплывалось кровавое пятно. – Пусть идет, – повторил он, перебрасывая винтовку в левую руку.

Майк ткнул каблуками Шустрика, и тот мигом подчинился, почувствовав уверенность и силу в поведении всадника. Встав рядом с лахманом Моргана, он пошел пижонской рысью, еще не зная, что за этим последует.

– Они стреляют первыми, – предупредил Морган.

– Почему? – не удержался Майк.

– Потому что слабаки, – просто ответил предводитель.

Между тем всадники противной стороны приближались, и вскоре последовал их залп.

Жуткий огонь обжег правое ухо Майка, в сознании полыхнули протуберанцы огненной боли. Однако плоть Майка лишь на мгновение отделилась от его духа, и прицел был верен как никогда.

Последовал ответный залп, и «собаки», картинно потеряв равновесие, словно в кино, вылетели из седел, вгоняя в панику их лахманов.

– Отлично, парень, едем назад.

Чувствуя, как по шее течет кровь, Майк твердо дернул узду, и его лахман, как ветеран со стальными нервами, сделал четкий разворот и бок о бок с лахманом Моргана пошел обратно.

Когда вернулись к своим, Майк заметил, что грудь Шила уже перебинтована серыми, застиранными бинтами. Впрочем, Гвинет и Флорентино были готовы заменить любого из пары, как только в этом возникла бы необходимость.

Однако необходимости не возникло. «Собаки», которых было еще не менее десяти пар, развернули лахманов и умчались прочь, давая возможность измученным «барсукам» заняться своими ранами.

«Мы победили», – успел подумать Майк и потерял сознание.

Глава 13

Он проспал часов десять или даже двенадцать, а когда проснулся, то почувствовал тугую повязку, которая стягивала его голову.

За окном не было солнца – только сполохи костра, на котором обычно готовили чай для сторожевой смены.

Майк повернул голову и в неярких всплесках света увидел неподвижное лицо Шила. Он все еще не пришел в сознание, но дышал ровно, из чего Майк заключил, что Шило выживет.

Поднявшись с постели, он немного постоял, опираясь о стену, потом шагнул за дверь и вдохнул полной грудью вечерний воздух, напоенный запахом трав и дымом костра. Впервые после бегства с фермы Майк почувствовал себя дома.

Он не знал родительской ласки и мечтал о доме и семье, где его, по крайней мере, считали бы ровней. И вот теперь ему показалось, что такая семья у него есть.

– Привет! – Гвинет кивнул ему, помешивая варево в котле левой рукой. Правая висела на перевязи.

– Что с тобой? – спросил Майк, придерживая повязку на ухе. Каждое произнесенное слово отзывалось новой волной боли.

– Они вернулись, – коротко ответил Гвинет, и сидевший рядом с ним боец угрюмо кивнул.

– Кто вернулся? – не понял Майк.

– «Собаки», – пояснил Гвинет. – Как только ты отрубился, они пустили еще одну пару, и мы с Флорентино пошли им навстречу.

– А где Флорентино? – забеспокоился Майк.

– Флорентино больше нет, – пояснил Гвинет. – Я даже удивляюсь, как он сумел выстрелить в ответ и положить противника... Он получил пулю в сердце – точнее еще не бывало.

– А Лозмар, его там не было? – спросил Майк.

– Думаю, нет, – ответил Гвинет. – Это был другой парень – высокий, с длинными волосами, но другой.

Они немного помолчали, потом Майку подали кружку сладкого чая, заваренного так, как это делал Джо Беркут.

«Где он сейчас и что с ним?» – подумал Майк, прихлебывая горячий напиток.

– Как твое ухо? – спросил Гвинет.

– Дергает... – ответил Майк.

– Это ничего. Правда, нижней трети как не бывало, ну да ведь это не самое страшное.

– Да, – подтвердил Майк, глядя на огонь. Ему сейчас было совершенно не важно, сколько там осталось от его правого уха: две трети или половина. Он размышлял о том, как другие бились за его жизнь, пока он был в беспамятстве.

Гвинет, тот понятно, он даже выглядел как настоящий солдат, а вот Флорентино был обычный парнишка, немногим старше самого Майка. Однако он знал все порядки и обычаи хозяев долины и исполнял свою работу грамотно и храбро.

Даже когда Морган и Майк свалились без сознания.

– Как заживет ухо, поедешь в город – продавать туков, – сообщил Гвинет.

– Откуда у нас туки?

– Двенадцать было своих, да еще гиптуккеры подогнали восемь голов... – невозмутимо пояснил Гвинет.

– Гиптуккеры подогнали?! – поразился Майк.

– Вот именно. – Сидевший рядом с Гвинетом «барсук» Тобби широко улыбнулся. – Они-то знают, как мы им услужили.

– Точно, – согласился Гвинет. – Если бы не мы, «собаки» забрали бы всех туков, а самих гиптуккеров перебили.

– Факт – перебили бы, – кивнул Майк, делая глоток крепкого чая. Он помнил рассказ Джо Беркута о нападении «собак», да и сам видел их в действии.

Глава 14

Угрюмо уставившись в грязное окно, Дюк сосредоточенно смотрел на двух тощих крыс, которые совокуплялись на грязном крыльце. Казалось удивительным, как у этих изможденных животных нашлись силы для подобного никчемного занятия, но уж такова, наверное, крысиная порода, так что Дюку оставалось лишь наблюдать, проводя близкие ему аналогии.

Вчерашняя погоня за большим стадом туков обернулась поражением. Откуда ни возьмись, появились «барсуки», которых «собаки» немного побаивались – все, кроме Дюка Лозмара. Он еще не был знаком со свирепой хваткой этой немногочисленной команды, однако теперь и ему стало понятно, почему о них ходит такая слава...

Они стреляли до однообразия метко и не боялись ничего, держась в традиционной парной дуэли до последнего человека.

«Собаки» потеряли двадцать семь человек убитыми, и еще полтора десятка находились между жизнью и смертью. Это был жестокий урок, и теперь Дюк думал о мщении. Ни о чем другом он думать просто не мог.

На кровати снова заворочалась Триш. Дюк по-прежнему считал ее грязной старухой, однако предательское вождение было сильнее его. Оно превращало Дюка во всеядного самца, не брезговавшего никакой плотью.

– Что у нас есть выпить, Дюк? – простионала Триш, выпростав из-под одеяла ногу с серой, нездоровой кожей.

– Пиво теплое... – просипел Лозмар. Неаппетитный вид Триш вызывал в нем неясную обиду, и он сказал: – Я привезу из города бабу помоложе тебя, так что готовься сдохнуть...

Триш была немолода, однако вместе с годами к ней пришла некоторая мудрость. Добравшись до склянки с пивом, она запрокинула голову, Дюк не менее минуты наблюдал, как вздрагивает ее горло.

Отставив наконец полупустую емкость в сторону, женщина сказала:

– Не спеши отправлять меня подыхать, Дюк. Мало найти молодую подружку. Нужно еще заставить ее жить здесь, среди всего этого дерьма. – Триш обвела рукой помещение, брезгливо скривившись, будто прежде жила в апартаментах имперского наместника. – В свое время я влюбилась в Джема Лифшица и постепенно привыкла к этому бардаку. Ты не поверишь, но за эти пятнадцать лет, что я провела на острове, я ни разу не изменила Лифшицу, кроме разве что одного случая, когда мне понравился еще один парень... Ну а ты... ты – молодой ублюдок, с которым я должна была спать, чтобы меня не удавили или не отдали остальной сотне злобных псов.

О, если бы ты знал, как я всех вас ненавижу... Была б моя воля, я бы резала вас на куски... Каждого собственными руками...

Дюк зачарованно слушал Триш, пораженный неподдельной ненавистью, которая звучала в ее голосе.

– Ах ты, сука старая, что ты несешь! – прошипел он, наконец очнувшись, и глаза его налились кровью. – Я же тебя с рук кормлю, а ты такое...

Словно зверь, он рванулся вперед, одним прыжком оказался рядом с Триш, схватил ее за горло и сжал своими стальными пальцами. Он ожидал увидеть в ее глазах страх, однако увидел только насмешку, ненависть и торжество.

Дюк сдавливал горло все сильнее, однако стекленеющий взор выпученных глаз не терял оскорбительного выражения, и посмертная маска Триш все так же смеялась и укоряла.

Еще через минуту все было кончено, шея Триш хрустнула в руках Дюка, однако обида все не проходила, так что ему пришлось ударить Триш кулаком по лицу. Затем, не помня себя

от ярости, он схватил столовый нож и несколько раз ткнул им жертву в живот. Но ничего, ничего не произошло. Триш была трупом, ей было все равно, и он ничего не мог ей сделать.

Поняв, что в очередной раз обманут, Дюк хрипло разрыдался.

Глава 15

Был ранний час, солнце едва коснулось крыш невысоких строений.

Лейтенант Бриттен сидел на заднем сиденье штабного автомобиля и время от времени, когда попадались ровные отрезки дороги, снова возвращался в недосмотренные сны, роняя голову, украшенную ниточкой безукоризненного пробора.

Когда машина проезжала мимо скотного рынка, водителю пришлось несколько раз остановиться, ожидая, когда пройдут стада согнанных на продажу туков.

Глупых животных привлекал блеск радиаторной решетки, и они останавливались, заставляя водителя давить на сигнал, а лейтенанта Бриттена – просыпаться и бросать непонимающий взгляд в окно.

– Опять эти скоты? – немного удивленно спрашивал он.

– Так точно, сэр, – отвечал водитель и на медленном ходу пытался столкнуть зазевавшихся туков с дороги. Такие маневры автомобиля не нравились сопровождавшим стадо гиппуккерам, однако они молчали, понимая, что конфликт с военными не приведет ни к чему хорошему.

Наконец автомобиль пробился сквозь вереницы крупных животных и покатил по узким улочкам, смело распугивая драных кошек и завтракавших навозом птичек.

Еще несколько поворотов, и показалась длинная высокая ограда. Ее однообразие скрашивали лишь пулеметные башни с прочными бронированными колпаками. За оградой виднелись здания штабного комплекса, сам вид которых настраивал лейтенанта Бриттена на служебный лад.

Узнав одну из штабных машин, дежурный нажал кнопку на пульте, и тяжелые створки ворот нехотя расступились, пропуская ее во внутренний периметр безопасности.

Стоявший на въезде регулировщик сразу же указал жезлом в сторону мойки. Впрочем, водитель сам знал порядок и послушно поехал в указанном направлении.

Качнувшись на водоизолирующем бортике, автомобиль нырнул под пластиковые занавески, и за него тут же взялись застоявшиеся щетки. Засвистев от радости, они принялись бешено вертеться, счищая пыль и опрыскивая машину дезинфицирующим спреем.

Через каких-то полминуты сверкающий чистотой автомобиль выкатился на асфальтовую дорожку и, обогнув клумбы со скассонскими крокусами, остановился у парадного входа.

Водитель первым выбрался из машины и стал обходить ее вокруг, чтобы открыть дверь лейтенанту.

Распахнув дверцу, он уставился на сверкающие ботинки Бриттена и на миг увидел в них свое отражение. Затем лейтенант шевельнул ногами и, выбравшись из машины, одернул мундир. Слобно собираясь с мыслями, он помедлил, потом резко шагнул к дверям, заставив напрячься и вытянуться в струнку стоявшего у входа начищенного гвардейца.

Когда лейтенант поравнялся с часовым, тот отдал ему честь, да так безупречно, что Бриттен невольно испытал чувство ревности, ведь раньше он входил в десятку лучших офицеров гарнизона, преуспевших в строевой подготовке. Ему прочили большое будущее и даже обещали послать в следующем году на кубок вооруженных сил, однако ситуация изменилась, и, судя по всему, вместо чемпионского титула по строевой подготовке судьба приготовила Бриттену традиционную военную карьеру.

Поднявшись на второй этаж и еще трижды испытав преданность образцовых часовых, Бриттен оказался в своем кабинете, который еще недавно принадлежал полковнику Фреймингу.

В связи с сокращением военного корпуса полковник, как и многие другие старшие офицеры, был переведен на новое место службы. Освободившиеся вакансии замещались молодыми кадрами.

Так лейтенант Бриттен с двести тридцать четвертого места в гарнизонной табели о рангах моментально подпрыгнул до двадцать первого.

Впрочем, он быстро привык к новому положению и теперь даже испытывал некоторую тоску по своей прежней лейтенантской легкости и беззаботности.

Сняв остроконечную пилотку, Бриттен положил ее на полку и, остановившись перед зеркалом, пригладил рукой волосы, посмотрел на себя анфас и в профиль и остался доволен.

Он прошел за стол и удовлетворенно кивнул, заметив, что табличку с именем наконец-то сменили.

Теперь на дорогой столешнице значилось: «Л-т Вилмарк С. Бриттен», и это обстоятельство подвело черту под переходным периодом.

«Ну теперь все», – подумал лейтенант, решившись наконец слегка ослабить узел галстука.

В этот момент приятной трелью зачирикал спикер внутренней связи.

– Доброе утро, сэр. Желаете, чтобы вам подали завтрак?

– Да, можно подавать, – согласился Бриттен.

– Через минуту мы будем у вас.

«Через минуту мы будем у вас», – повторил про себя Бриттен и самодовольно улыбнулся.

Он даже сделал вид, что не заметил, как повар опустил в последней фразе слово «сэр».

Своей теперешней властью Бриттен мог отправить этого ефрейтора под арест, однако решил простить дерзкого кашевара, тем более что ефрейтор Руфгоус был непревзойденным мастером своего дела.

Глава 16

Время завтрака пролетело незаметно.

Набор блюд стоил четверть месячного лейтенантского жалования, однако теперь Бриттена это не заботило. Он получает полковничий оклад, а питаться мог вообще за счет казны.

Ефрейтор Руфгоус и сопровождавший его кухонный солдат ушли, а в воздухе остался запах гусяного паштета. Бриттен не наелся, но попросить добавки постеснялся, боясь прослыть обжорой или еще кем-то в этом роде.

Спустя двадцать минут штабной сержант принес на подпись несколько бумаг. Бриттен подмахнул их не глядя и даже немного заскучал, когда никакой работы не стало.

Впрочем, скучать долго не пришлось. Внезапно в кабинет без стука вломился лейтенант Майбек, с которым они еще месяц назад жили на одной квартире. Теперь Майбек занимал всего лишь майорскую должность, и Бриттен с высоты своего полковничьего места поглядывал на него сверху вниз.

– Привет, старик! – прокричал Майбек и, толкнув ногой стул, плюхнулся на него так, что тот едва не развалился. – Чего сегодня получил на завтрак? Мне давали свиные почки в молоке...

– Да какая тебе разница? – не приветливо ответил Бриттен.

– Что значит «какая»? Ты получаешь жратву по четвертому разряду, а я только по шестому. Вот мне и интересно, чем кормят полковников.

Майбек закинул ногу на ногу, Бриттен заметил на его ботинке каплю соуса. Скорее всего Майбек позволил себе вторую порцию почек.

– Послушай, я ничего не имею против, чтобы поддерживать дружеские отношения, но здесь мы на службе, Майбек, и ты всего лишь один из моих подчиненных...

– Что ты этим хочешь сказать, Вилли? – не понял Майбек.

– Только то, чтобы ты вел себя прилично. Вот вечером, на квартире...

– На какой квартире? Ты же теперь живешь в доме полковника Фрейминга, – напомнил Майбек и поднялся. – Мы уже не видимся, Вилли, и ты сторонись всех, с кем раньше проводил свободное время. Ты забыл друзей, ты стал обычной задницей!

– Ну хватит, лейтенант Майбек! – закричал Бриттен и хлопнул ладонью по столу. – Покиньте мой кабинет немедленно, пока я не принял меры!

Майбек качнул головой, словно приходя в себя после удара, а затем произнес:

– Простите, сэр... Я не должен был этого говорить...

«Старина Вилли» не проронил ни слова, и Майбек, шелкнув каблуками, вышел вон.

Едва за ним закрылась дверь, Бриттен вышел из-за стола и сделал несколько разминочных движений. Он давно намеревался окоротить этого невежу и был рад, что тот сам подал повод.

В дверь постучали.

– Входите! – сказал хозяин кабинета и быстро одернул мундир.

– Разрешите, коллега?

Это был капитан Экзосе, ровня Вилли Бриттену по должности.

– Очень вам рад, капитан! Прошу вас – проходите, – демонстрируя дружелюбие, заулыбался Вилли. При всем том, что они занимали равноценные посты, Экзосе тем не менее был в чине капитана, и, стало быть, общение с ним лейтенанта Бриттена ни в коей мере не компрометировало.

– Собственно, я поболтать, коллега, – признался капитан, избегая слова «лейтенант». Он знал, что так Бриттен будет себя чувствовать свободнее.

– Какие-нибудь новости? – попытался угадать Бриттен, садясь за стол.

– В самую точку, коллега.

Экзосе придвинулся ближе и, облокотившись на стол, доверительно склонился к лейтенанту, словно в кабинете присутствовал посторонний.

– Есть мнение, – тут капитан многозначительно указал пальцем на потолок, – есть мнение, что это продлится еще примерно полгода.

– Так, – кивнул Бриттен, которому не нужно было объяснять, что такое «это».

Еще совсем недавно ему хотелось убраться с Малибу на какую-нибудь более развитую планету, однако теперь, когда он восседал в отдельном кабинете и ему не грозило оказаться в опорном форте где-нибудь посреди соляных долин, Малибу стала казаться ему уютным гнездышком. Здесь исправно платили неприлично большое полковничье жалованье, подавали бесплатную еду и покрывали расходы на содержание отдельного дома.

О персональной машине и прочих мелочах можно было не говорить. А все эти блага как раз и дало ему «это» – время чудесных и сказочных превращений.

– В охранный отдел пришло сообщение о том, что иссякли еще сорок скважин района Б-12.

– Сорок скважин! – повторил Бриттен, пытаясь на слух определить серьезность этой новости.

– Карта есть?

– Есть, – кивнул лейтенант и быстро достал из выдвижного ящика план-схему соляных долин и прилегавших к ним холмов.

Вдвоем с капитаном Экзосе они расстелили ее на столе, сбив при этом подставку с карандашами. Впрочем, на это ни тот ни другой не обратил внимания, и вот уже пальцы «коллег» скользят по местам добычи, испещренным отметками рабочих скважин.

– Вот он! – произнес Экзосе, обнаружив район Б-12.

– Но их здесь более двух сотен! – ужаснулся Бриттен. Ему показалось, что полковничий стул под ним зашатался.

– Это еще не повод для паники, коллега, ведь в этом районе всего два форта. Два форта, значит, около тысячи солдат, а это не такое уж большое сокращение, – успокоил Бриттена капитан. – Вот если остановится район Б-52, то это будет первый звоночек.

– Да-а, – протянул Бриттен, впервые искренне желая, чтобы кладовые Малибу не иссякали. Раньше он не особенно вникал в то, что именно добывали в этой колонии, но теперь ему захотелось узнать об этом побольше.

– Правду ли говорят, что это какое-то искусственное мясо? – спросил он у Экзосе.

– Мясо? Нет, не мясо. Скорее плоть.

– Скорее плоть?

– Нет, я хотел сказать, что мясом мы называем то, что едят, а кванзиновая жидкость применяется для исправления дефектов человеческой плоти.

– К счастью, у меня никаких дефектов нет, – сказал Бриттен и осторожно провел рукой по пробору.

– Это естественно, коллега, ведь мы с вами военные. Впрочем, я слышал, что кванзиновые имплантанты помогают пострадавшим в военных действиях.

– Вижу, сэр, что вы сильны в медицине.

– Это не медицина, коллега. Это чистые деньги. Из кванзиновой жидкости штампуют вставки для иссушенных старух, чтобы сделать их привлекательнее. Я бы сказал, что сидеть здесь из-за этих старух – просто свинство, однако в этом и заключается коммерческая сторона дела. А там, где начинаются деньги, заканчиваются всякие вопросы.

– Честно говоря, капитан, я был уверен, что стою на страже интересов государства, – произнес слегка озадаченный Бриттен.

– Интересы миллионов несовершенных тел и есть интересы государства, – резюмировал капитан Экзосе и, казалось, сам удивился такому заключению.

– Вот именно, – сказал Бриттен, машинально водя пальцем по карте районов добычи. – Трудно как-то сразу осознать интересы государства как что-то весьма обыкновенное и понятное. Я думал, это что-то более неуловимое.

– Я тоже, – признался капитан.

– А еще мне не нравится, что в городе полно этих рогатых туков, – не к месту заметил лейтенант Бриттен.

– О, ну это просто, коллега. – Капитан Экзосе откинулся на спинку стула и улыбнулся. Он любил животных. – После кванзиновой жидкости туки являются вторым золотом Малибу. Из их молока получают драгоценную мальзиву. Вам не приходилось ею пользоваться?

– Нет, – покачал головой Бриттен, умолчав, что в прошлый отпуск вывез литр мальзивы и в порту Фартиона продал за полторы тысячи кредитов. Такая сумма, предложенная перекупщиком, сильно его поразила, ведь лейтенант надеялся выручить за нее не больше трех сотен.

Глава 17

Минуло две недели с тех пор, как Майк получил боевое крещение в рядах «барсуков» и повязка с его уха была снята.

Целительная мальзива сделала невозможное, ухо оказалось не слишком обезображено. Просто оно стало немного короче снизу – как раз на длину мочки.

Впрочем, несмотря на ранение, Майк продолжал ходить с Алонсо Морганом на стрельбы.

Когда удавалась стрельба с правой руки, Морган требовал повторять упражнения левой. Левая рука подводила, и Майк все время мазал, но пример предводителя заставлял его снова и снова повторять упражнения. Только под вечер, растратив все патроны, они возвращались обратно.

В один из таких вечеров, когда они ставили уставших лахманов в стойла, Майк вдруг спросил:

– Скажите, сэр, а нельзя ли сделать так, чтобы гиптуккеры всегда приводили туков сами?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Морган даже рассмеялся.

– Ты хочешь слишком многого, парень. Тогда бы наша жизнь стала скучной. Никаких тебе погонь, схваток с «собаками»... Нет, боюсь, это невозможно. Никто не захочет отдавать туков добровольно.

– Но это может быть честная сделка, сэр, – не сдавался Майк. Схема новой организации «барсуков» вполне отчетливо выстроилась в его голове. – Мы гарантируем гиптуккерам переправу на нашем участке долины, а они платят нам за это определенный процент от поголовья.

– «Процент от поголовья», – повторил Морган и осторожно дотронулся до еще не зажившего правого плеча. – Откуда ты набрался этих слов, Майк?

– Воспитавший меня Герхард Баварски был образованным человеком. Он научил меня читать, писать и даже вычислять дроби...

– И вычислять дроби, – вздохнул Морган и стал спускаться по узкой тропе, которая вела к поселению. Пройдя несколько шагов, он остановился и крикнул: – Зонмер!

– Я здесь, сэр, – отозвался часовой с круглой площадки на вершине скалы.

– Ну и хорошо, – кивнул предводитель и пошел дальше вниз, а Майк следом. Он решил больше не заводить разговора о своем предложении, заметив, что Морган сосредоточенно думает.

Когда они спустились к горевшему в центре поселения костру, на котором разогревали приготовленную днем еду, Морган остановился и замер неподвижно, глядя куда-то поверх голов.

Разговоры у костра сразу смолкли – все поняли, что предводитель собирается сказать что-то важное.

– Хозяева долины! – громко произнес Морган и сдвинул на затылок свой меховой цилиндр. – Я хочу представить вам одного из членов нашего сообщества. Вы его уже знаете, но знаете только с одной стороны. А между тем он не только храбрый «барсук», но и мыслитель... А также знает дроби.

Морган замолчал. Слышалось только потрескивание сучьев в костре да бульканье закипевшей похлебки.

– В общем, это Майк Баварски, – подвел черту Морган и, обернувшись к слегка смущенному Майку, предложил: – Расскажи всем, и поподробнее. Нужно, чтобы «барсуки» сделали выбор сами.

Майк кивнул и, собравшись с духом, заговорил:

– Я хочу предложить вам слегка изменить нашу жизнь. Для этого нужно сделать так, чтобы гиптуккеры сами доставляли нам туков в обмен на охрану территории, по которой они будут перегонять скот... Вот и все...

– Сказать по правде, – произнес Шкиза, который занимался сапожным и шорническим ремеслом, – сказать по правде, парень, мне еще не приходилось слышать ни о чем таком... Мне что-то не верится, что гиптуккеры будут нам платить. Нам с ними не договориться, ведь у нас давнишняя война.

– Но они пригнали нам восемь туков за то, что мы прикрыли их при нападении «собак», – заметил Гвинет и подмигнул Майку.

– Тут другое дело, – покачал головой Шкиза. – Тут дело чести, а гиптуккеры народ честный.

– Раз честные, значит, слово держать будут, – сказал Майк.

– Слово держать будут, – согласился еще один из «барсуков», – если только они его тебе дадут.

– Давай излагай дальше, – предложил Гвинет, – а я буду наполнять плошки.

Народ сразу задвигался, засуетился, глубокие тарелки пошли по рукам, а Майк продолжил:

– Думаю, нам нужно поговорить с гиптуккерами и пообещать им безопасность в той части долины, которую контролируем мы. Три тука с сотни голов будем забирать себе – это немного, гиптуккеры должны согласиться.

– Три тука с сотни – это не так много, – вставил Шкиза, прихлебывая из плошки горячее варево.

– На первое время этого будет достаточно, а когда к нашей переправе устремятся стада со всех холмов севера и северо-востока, мы станем очень неплохо зарабатывать.

– А что ты думаешь о «собаках», Майк? – задал вопрос Морган. – Будут ли они спокойно смотреть на то, как мы тут богатеем и попираем законы хозяев долины?

– Во! – произнес Шкиза и многозначительно поднял палец.

Все остальные «барсуки» перестали есть и уставились на мальчишку, ожидая, что он ответит на этот каверзный вопрос.

– Я думал и об этом, сэр, – сказал Майк. – Это самая трудная часть во всем плане, потому что, кроме «собак», это не понравится и другим шайкам.

– «Манифиши»! «Скунсы»!

– «Койоты»!

– «Медведи»!

Майк о них даже не слышал, однако «барсуки» знали их хорошо, многие проделали долгий путь, переходя из одной банды в другую.

– Я думаю, надо набирать людей в городе, а здесь, на острове, оставить только вооруженный отряд.

– Гарнизон, – подсказал Морган.

– Да, сэр. Гарнизон будет здесь, а основная часть «барсуков» должна находиться возле города – там больше возможностей. Если мы будем держаться за город, бродячие шайки с нами не справятся.

– Во лепит! – не удержался Шкиза, восхищенно покачав головой. – Прямо профессор!

– В городе приличных наемников не найти, – негромко произнес предводитель, и все притихли.

– Будем брать тех, кто есть. А в том, что вы сумеете сделать из них настоящих «барсуков», думаю, никто из присутствующих не сомневается.

– Точно! – воскликнул бородатый бандит по кличке Леший, подняв изувеченную руку. – Алонсо мне два раза пальцы рубил, пока не заставил работать! Алонсо Морган – голова!

Все одобрительно загудели, припоминая случаи, когда предводитель пресекал все попытки нарушить установленный им порядок.

– Ну хорошо, – подвел итог Морган, поправляя свой головной убор. Он подошел к Майку и обнял его за плечи здоровой рукой. – Хочу сказать, что этот парень мне нравится. Он настоящий «барсук», и, что самое ценное, у него голова варит...

– Голова варит!

– Варит голова, – поддержали сподвижники.

– Поэтому предложение его я поддерживаю...

– И мы поддерживаем! – дружно закричали подчиненные.

– Однако! – Морган поднял руку, чтобы все успокоились. – Однако нужно закончить кое-какие дела, подождать, пока немного затянутся наши раны, и еще продать туков – чтобы были деньги для нового дела. Так что через неделю готовься ехать в город, Майк. Гвинет и Тобби составят тебе компанию. Ну и Шило, если к тому времени он сможет держаться в седле.

Глава 18

Путешествие до Ларбени растянулось на три дня, и все это время, за исключением влажных, напоенных солеными испарениями ночей, туки двигались плотным стадом, опекаемые с четырех сторон.

Шило и Гвинет ехали впереди, а Майк и Тобби – позади стада из двадцати туков.

Время от времени Гвинет отправлялся на разведку куда-то вперед, к самому горизонту, а во время привалов вообще пропадал из виду. Понимая, что он опасается нападения «собак», Майк не задавал лишних вопросов и на подвиги не напрашивался. Он знал, что у хозяев долины инициатива не приветствовалась, но, если уж тебе давали задание, его нужно было выполнять безупречно.

На вторую ночь, уже под утро, где-то неподалеку проскакала группа всадников. Четверо «барсуков» приготовили оружие и стали ждать появления врага, однако вскоре стук копыт затих и остаток ночи прошел спокойно.

Больше ничего подозрительного не произошло, и ранним утром третьего дня впереди показалась полоска зеленой суши, а спустя час солнечные лучи, пробив утреннюю дымку, выхватили первые крыши домов.

Это были окраины Ларбени.

Почувствовав запах полыни, туки, три дня жевавшие сушеные корни, прибавили шаг. Вслед за ними приободрилась четверка лахманов и их наездники.

– Половина хлопот позади, – объявил Шило и наконец-то спрятал винтовку в кожаный чехол.

То же самое проделали и остальные бойцы, а Гвинет, достав грязный платок, стал смахивать со своей кожаной одежды тонкий слой соляной пыли.

– Устроим привал вон там, где повыше, – сказал Шило, указывая на пологий холм. Кажется, его поняли даже туки, которые, не останавливаясь, подхватывали кустики полыни и шли туда, куда их гнали всадники.

Наконец все добрались до указанного Шилом места, и Майк, спешившись, с наслаждением размял ноги, отпустив поводья своего лахмана. Животное уже привыкло к новому хозяину и больше не помышляло о побеге.

Шило выбрался из седла без посторонней помощи, хотя было видно, что далось это ему нелегко. Сшитый Шкизой кожаный бандаж позволял двигаться свободнее, однако боль все не проходила.

Расстелив на траве накидку, Тобби быстро соорудил что-то вроде стола. Майк хотел помочь, но Шило отправил его на вершину холма.

– Посмотри по сторонам и определи, сколько туков гонят в город. От этого зависит цена на рынке.

– Хорошо, – кивнул Майк и побежал на гору. Добравшись до самого верха, он окинул взглядом долины и невольно залюбовался открывшейся картиной. Разгоняемые ветром соляные испарения качались словно волны, а падавшие на них солнечные лучи только добавляли сходства с водой и окрашивали эти волны в мягкие пастельные тона.

Говорили, что когда-то очень давно на этом месте действительно было море, но, правда ли это, или красивая легенда, никто не знал.

Спохватившись, Майк вспомнил, зачем его послали, и, прикрываясь от солнца рукой, начал считать туков, которые выбирались на травянистые склоны по всей линии соприкосновения земли с соляными долинами.

Сразу бросались в глаза хромые или обессилевшие туки, а в одной группе животных и наездников Майк заметил тело, переброшенное через седло лахмана.

Невольно вспомнилась ночь, когда они слышали стук копыт. Возможно, тогда было совершено нападение именно на этих гиптуккеров.

Выполнив задание, Майк спустился к импровизированному столу.

– Ну что? – спросил его Шило, протягивая кусок вяленого мяса.

– Голов триста, – сообщил Майк, присаживаясь на траву. – Многие животные хромают.

– Слишком быстро гнали, вот и хромают, – заметил Гвинет. – А лахманов без всадников видел?

– Видел, но всадник был при нем. Он лежал поперек седла...

– Да-а, – протянул Шило, – не порядок. Вот поэтому Морган и принял твой план, Майк. Нельзя вечно стрелять в гиптуккеров. Это раньше, когда в долину наведывалась полиция и солдаты, у погонщиков был шанс, а теперь шансов нету. Хозяев в долине становится все больше, а туков на всех не хватает.

– Говорят, что закрываются промыслы и много людей остаются без работы, – добавил Тобби.

– Это нам только на руку, – спокойно заметил Майк, пережевывая жесткое мясо. – Нам выгоднее набирать людей работающих и честных...

– Откуда в тебе это, парень? – удивленно спросил Шило и с уважением посмотрел на Майка. Иногда ему казалось, что в этом мальчишке просыпается какой-то совершенно другой человек.

– Я все время проводил на ферме и знаю, что лучше иметь дело с хорошими работниками, – пояснил Майк.

– Да нет, я не об этом. Откуда в твоей голове берутся мысли настоящего торговца? – В словах Шила звучало неприкрытое сожаление. – Я же видел, как ты держался в бою, парень. Не каждый мужчина ведет себя так перед лицом смерти. И вдруг такая перемена, планы всякие.

– Думаю, это от туков, – задумчиво произнес Майк, который отнесся к словам Шила очень серьезно.

– Что значит «от туков»? Мы тоже всю жизнь провели рядом с ними, однако не выдумали ничего похожего на твой план.

– Да, – подтвердил Гвинет. – Ничего похожего.

– Это потому, что я пас туков совершенно один и рядом не было никого, с кем можно было бы перекинуться словом. Вот я и думал, вместо того чтобы разговаривать...

– Думал, вместо того чтобы разговаривать, – повторил Шило. – Может, и правда в этом все дело.

Они помолчали еще пару минут, потом стали собираться.

Глава 19

Вопреки ожиданиям, город не подействовал на Майка так, как он действовал на всех, проводивших большую часть жизни среди пустынных холмов и долин. Встречавшиеся на пути чудеса Майк принимал как должное и во всем искал какой-то закономерный смысл, увязывая увиденное с собственной системой понимания.

Высокие, в несколько этажей дома, прогуливающиеся по двое полицейские в широкополых шляпах, молодые кухарки, спешащие на рынок, чтобы успеть принести к завтраку продукты... Жизнь пробуждающегося города почему-то казалась Майку уже знакомой.

Чем ближе к рынку, тем больше людей, несмотря на ранний час, перебежали улицу перед рогатыми мордами туков. Животных гнали почти что сплошным потоком, и они не стеснялись облегчаться, перед тем как перейти в собственность к новым хозяевам. Прохожие скользили по рассыпанному на мостовой навозу и вполголоса ругались, опасаясь попасть под копыта расстроенных животных.

– Пепита! Немедленно домой! – раздался сердитый голос прямо над головой Майка. Он поднял голову и увидел девушку, стоящую на балконе. Девушка улыбалась, Майку показалось, что ее улыбка предназначена именно ему.

Неожиданно рядом с Пепитой появилась толстая старуха. Схватив девушку за руку, она утащила ее внутрь.

– Баварски, смотри за туками! – крикнул Шило, заметив, как крупный самец выбирается на тротуар. Майк тут же дал шпоры своему лахману и оттеснил огромного тука обратно на проезжую часть.

Наконец широкая улица вывела измученных животных и усталых всадников на огромное торжище – площадь, казалось, без конца и края утыканную столбами с протянутыми между ними жердями, к которым вязали выставленный на продажу скот.

Шило указал на свободное место, и Майк стал помогать Гвинету и Тобби направлять туков в нужную сторону. Дело это было непростое, потому что со всех сторон доносились рев и мычание и туки заволновались, встретив такое огромное количество собратьев.

Больше всех беспорядок создавал самец, который еще на улицах пытался идти своим путем. Он все время искал себе соперника и упорно толкал рогами любого тука, относящегося к сильному полу. В конце концов Гвинет врезал ему промеж рогов заплетенной в кожу свинчаткой, и лишь после этого бык обрел покой и послушно следовал туда, куда указывали погонщики.

Когда пришла пора вязать туков к жердям, за дело взялись Тобби и Гвинет. Они проделали всю операцию очень быстро, не давая животным прийти в себя и начать сопротивляться. Майку тоже выделили одного тука и позволили привязать его за рога, терпеливо дожидаясь, пока тот справится с непривычной работой.

– Останешься с Гвинетом, Майк, – сказал Шило, не слезая со своего лахмана. – А мы с Тобби поедem искать покупателя.

– Хорошо, – согласился Майк и подхватил повод своего лахмана, чтобы тот не загоразивал узкий проход между рядами. – Я думал, что покупатели приходят сами! – прокричал Майк, обращаясь к Гвинету.

– Правильно! – так же громко ответил тот, поскольку встревоженные туки ревели все громче. – Но так можно и до вечера просидеть и продать товар за гроши. Скупщики, они ведь тоже хитрые, попьют пива где-нибудь в прохладном месте, а потом приходят и берут всех тепленькими.

Между тем, помимо гиптуккеров в широкополых шляпах, среди скотных рядов стали появляться покупатели. Они неспешно мерили площадь шагами и, прогуливаясь из конца в

конец, поглядывали по сторонам с брезгливой миной. Даже когда эти люди приценивались и о чем-то беседовали с продавцами, можно было подумать, что они делают гиптуккерам одолжение и покупают скот себе в убыток.

Один из таких дельцов прошел мимо туков, которых пригнали «барсуки», и, указав мизинцем на жоака группы, сказал:

– Вот этого инвалида я взял бы за двести кредитов...

При этом он так посмотрел на Майка, словно собирался дать ему мелочи на кусок хлеба.

Майк, не зная, что ответить, беспомощно уставился на Гвинета, который лениво произнес:

– Он уже продан, мистер.

– Как продан?! – удивился тот. – Я давно за вами наблюдаю – сюда никто не подходил.

– Мы этих туков по заказу пригнали, а деньги получили вперед, – продолжал врать Гвинет.

– Деньги вперед? – снова удивился покупатель. – Такого здесь не бывает, чтобы деньги вперед давали.

В ответ Гвинет безразлично пожал плечами и отвернулся, показывая, что продолжение разговора его не интересует.

– Эй, парень, ну, может, я дам цену выше! – начал заводиться торговец, не получив с ходу того, чего ему хотелось.

Стоявшие неподалеку гиптуккеры прятали ухмылки, понимая игру, которую вел Гвинет. Покупатель был из южан, а их здесь не любили.

– Я же сказал вам, мистер, что этот бык продан. За него уже заплатили восемьсот монет.

– Восемьсот монет? Да он не стоит и шестисот, этот твой тук! У него шерсть свальная и рога кривые!

– Ну и оставьте его, мистер, а нам и такой сгодится.

– Да уж пожалуйста, – скривился южанин, – оставайтесь вы со своим туком. – Он сплюнул себе под ноги и, развернувшись, пошел прочь, однако, не сделав и десяти шагов, вернулся.

– Ладно, разбойник, так и быть – плачу семьсот кредитов и забираю твоего быка. Не знаю даже, чем он мне приглянулся. Договорились?

Гвинет вздохнул и, посмотрев в одну, а затем в другую сторону, с сожалением покачал головой:

– Я же сказал – восемьсот монет. К тому же тук уже продан...

– Вот разбойник! – воскликнул южанин, привлекая своим криком других покупателей.

Один из них, худощавый оптовый перекупщик, подошел к предмету торга и, оглядев его с разных сторон, пожал плечами:

– Ты чего это, Липстон, за этого увальня ухватился. Он же без породы – вон смотри, как ноги подгибает и головой все время трясет. Может, он больной уже.

– Ну так и иди своей дорогой, Коддил. Это уже, считай, мой бык, я за него полчаса торгуюсь.

– Что значит твой? – принял вызов худощавый конкурент. – Если я дам цену выше, то и тук будет мой.

– Так ты же сказал, что он больной!

– Ну и что? Может, я его вылечу. – Коддил еще раз обошел вокруг тука, рассматривая его со всех сторон и, похлопав по спине, спокойно сказал:

– Даю тысячу...

Майк заметил, что по лбу внешне спокойного Гвинета катится капля пота. Однако тот поежился, как от холода, и промямлил:

– Хозяин еще не пришел, господа.

– Тысячу сто! – проревел южанин, не слушая Гвинета и глядя только на конкурента.

- Тысячу двести, – спокойно отреагировал худой.
- Тысячу триста! – краснея, как помидор, поднял планку толстяк.
- Полторы тысячи...

Южанин выдержал этот удар и хотел было задрать цену до заоблачных высот, однако голос рассудка все же пробился в его черепную коробку, и толстяк сник, словно проколотый воздушный шарик.

- Ладно. – Он вяло махнул рукой. – Подавись ты этим туком.

Между тем на шум подтянулись новые покупатели и тут же вступили в борьбу за престижного быка. Цена подскочила до двух тысяч, а когда в круг оптовиков пробились еще двое южан, легко преодолела отметку в три тысячи кредитов.

В результате бык ушел за четыре тысячи двести, а дойных самок расхватили в виде утешения те, кто не мог бороться за тука-вожака.

Заплатив за самок по пятьсот кредитов, довольные обладатели затерялись в толпе, а Майк и Гвинет остались у опустевшей жерди.

- Ты когда-нибудь видел столько денег, парень? – спросил Гвинет.

- Нет, – признался Майк.

– Возьми пересчитай, а то у меня даже руки трясутся. – Майк принял деньги и быстро их пересчитал. – Тринадцать тысяч семьсот, – сказал он, невольно взвешивая деньги на ладони.

– А вон и наши идут, – заметил Гвинет, указывая на высокую фигуру Тобби, который вел за собой двух лахманов – своего и Шила.

Сам Шило вместе с покупателем шел чуть впереди, они что-то горячо обсуждали – по всей видимости, цену на туков.

Наконец они добрались до того места, где оставили свой товар, и не нашли ничего, кроме Майка и Гвинета да их лахманов, стоявших у пустой жерди.

- А где... – начал было Шило.

- Продали, – ответил Гвинет, показывая деньги.

- И почему продали? – поинтересовался приведенный скупщик.

- Самки по пятьсот ушли, бык – дороже.

– Тут какой-то обман. – Перекупщик погрозил Гвинету пальцем и повернулся к Шилу: – Зачем ты меня притащил сюда, если туки уже проданы?

– Извини, братец, я действительно не знал, – сказал Шило уже в спину удаляющемуся торговцу.

Проводив его взглядом, пока он не скрылся в толпе, Шило спросил:

- Что, действительно все так хорошо?

- Да, туков продали за тринадцать тысяч семьсот.

- Вот это да! И как же вы так поладили?

Гвинет посмотрел на Майка, и он сказал:

- Само получилось.

– Ну хорошо, раз так. Теперь имеем право отдохнуть, а потом отправимся в лавку. Нужно купить патронов и новые лопаты.

- Постой, Шило, а может, сразу найдем людей? – предложил Майк.

- Каких людей?

– Ну нам же нужно усиление – новые бойцы. Мы выдадим им по двести кредитов аванса и возьмем с собой.

– А на чем ты хочешь привезти их на остров? Сядем по четыре человека на каждого лахмана?

– Можно нанять буер или даже грузовик. Когда мы проезжали по улице, я видел вывеску...

– Стой, парень. Морган нам никаких указаний не давал. И вообще, ты немного спешишь. Для начала нужно переговорить с гиптуккерами – найти их бригадиров.

– Не очень-то они захотят говорить с хозяевами долины, – заметил Тобби.

– Согласен, – кивнул Шило, – да только в долине люди разные, и «барсуки» среди них не самые плохие... Предлагаю для начала пойти поесть настоящей горячей еды, а уж потом обсуждать оставшиеся дела.

С такой постановкой вопроса согласились все, поскольку легкий завтрак, который позволили себе погонщики, уже давно нуждался в основательном подкреплении.

Глава 20

Майк и Гвинет отвязали своих лахманов и, ведя их под уздцы, пошли следом за Тобби и Шилом. Однако те неожиданно остановились.

Остановились и люди, шедшие по другую сторону жерди. Это были «собаки» – Майк узнал их без труда. Они даже не пытались выглядеть как гиптуккеры – сняв кожаные плащи, щеголяли в жилетках с нарисованными на них мордами собак. Это был вызов всем, кто находился на рыночной площади, поскольку раньше показывать в городе знаки принадлежности запрещалось негласным законом хозяев долины.

«Собаки» замерли, пытаясь определить, к какой группе относится эта четверка. То, что это не гиптуккеры, «собаки» поняли сразу.

Майк посмотрел на Шило, понимая, что сейчас именно он задает тон неожиданной встрече. Можно было, конечно, пройти мимо, но это означало опозорить свой флаг, если ты его имеешь.

Почувствовав неладное, покупатели и просто празднующие поспешили удалиться прочь, опасаясь возможной стычки. Гиптуккеры стали собираться в кучки, в их руках появилось оружие.

Тем временем Шило снял свою широкополую шляпу, а затем, преодолевая боль, одним движением сбросил с себя длинный плащ, обнажая нарисованный на куртке знак барсука.

Вслед за ним то же самое сделали и трое его соратников.

Увидев своих заклятых врагов, «собаки» напряглись, однако один из них, выполнявший роль старшего, одернул своих людей и пошел прочь, показывая, что сейчас он никаких драк затевать не собирается.

– Думаю, они еще не все сказали, – предположил Тобби.

– Тут ты прав, – согласился с ним Шило. Майк помог ему надеть плащ, и они стали выбираться с торговой площади. Вести в толпе разносились очень быстро, и вскоре повсюду, где проходила эта четверка, всем уже было известно, кто они такие. В отличие от «собак», которых просто боялись, на «барсуков» смотрели иначе. Гиптуккеры знали, что с ними можно было договориться и обойтись без погони и ненужной стрельбы.

Миновав ряды лавок, торговавших упряжью, «барсуки» вышли на улочку, состоявшую из одних только питейных заведений и маленьких трактиров. Возле каждого из них стоял специальный человек, который за небольшую плату мог отвести лахманов во временные стойла и квалифицированно за ними присмотреть, пока хозяева наливаются пивом.

– Эй, парень, возьми наших, – сказал Шило, обращаясь к седовласому хромому служителю.

– Одну минуту, хозяин, – живо отозвался тот и, подойдя ближе, стал собирать в руку уздечки четырех лахманов. Почувствовав опытного человека, животные вели себя спокойно.

– Покормить, попоить? – спросил служитель.

– Да, им это не помешает, – кивнул Шило и вытащил из седельной сумки свое ружье. То же самое сделали Майк, Гвинет и Тобби. Памятуя о недавней встрече с «собаками», следовало быть начеку. Да и гиптуккеры могли сменить милость на гнев, ведь для многих из них все хозяева долин были на одно лицо.

Придерживая ружье возле ноги стволом вниз, Шило первым шагнул к двери заведения. Наверное, он с большей охотой посидел бы на травке где-нибудь за городом, однако Шило был не из тех, кто позволял такому пустяку, как незажившая рана, нарушить традицию – отметить удачную торговлю.

Глава 21

В заведении оказалось довольно шумно. Первые удачно сбывшие товар гиптуккеры уже spryskivali свой успех и, слегка захмелев, плели небылицы о схватках в долине.

– И вот они скачут на меня прямо все пятнадцать человек, – рассказывал человек с раскрасневшимся лицом, – и тогда я поднимаю свой пистолет и начинаю их снимать одного за другим!

– У тебя же нет пистолета, Челман, – заметил один из посетителей, чтобы подначить хмельного товарища.

– Ну да, – согласился тот, приглаживая обвислые усы, – но тогда он еще у меня был. Я проиграл его в карты лишь недавно, одному парню из Куцака...

Шило и его команда заняли столик у окна, и прибежавший официант положил на стол меню в потертой папке, а сам склонился почти до пола, надеясь на хорошие чаевые.

– Я возьму бифштекс, – важно сказал Майк, хотя до этого никогда этого блюда не пробовал.

– И я возьму бифштекс, – тут же присоединился к нему Тобби, который не слишком хорошо читал и поэтому решил положиться на вкус Майка.

Шило заказал картофель с курицей, а Гвинет – бобовое рагу с перцем.

Получив заказ, официант тут же убежал, и Майк от нечего делать стал рассматривать посетителей заведения. Его внимание сразу же привлек подвыпивший гиптуккер, который в своем долгом рассказе уже истребил десятки врагов и теперь наконец подходил к самому финалу.

– И тогда я выхватываю свой второй пистолет и начинаю стрельбу с двух рук... Я стреляю – они валятся... Я стреляю – они валятся... И так семь раз.

– Выходит, ты перестрелял всю банду, Челман? – уточнил кто-то из присутствующих.

– Точно! – обрадовался рассказчик. – Точно, я уничтожил все эту долбаную банду.

– А как она называлась?

– Как называлась? – Челман так сильно наморщил лоб, что даже зашатался от умственного усилия.

– Это были «койоты»...

– А может, «собаки»?

– Может, и «собаки».

Маневрируя между разгоряченными посетителями, прибежал официант и начал расставлять тарелки. Он случайно задел ружье Майка, и оно упало на пол, привлекая грохотом внимание окружающих.

– Эй, ребята! – Из-за стола напротив поднялся один из гиптуккеров. – Чего вы пришли сюда со своей артиллерией? Или боитесь, что вас здесь обидят?

Последние его слова вызвали бурю веселья, теперь внимание всех посетителей было приковано к столику возле окна.

– Извините нас, мы не местные и ваших порядков не знаем, – миролюбиво ответил Шило, принимаясь за еду.

– Что значит не местные? – Рослый гиптуккер подошел к самому столу и навис над ним, словно утес. – Судя по одежде, вы гоняете скот, ребята, но что-то говорит мне, что вы не прочь урвать кусок чужого пирога.

Видя, что назревает скандал, официант умчался на кухню и вскоре вернулся с хозяином заведения. Это был лысый упитанный человек с испуганной улыбкой на лице.

– Господа, предлагаю всем по кружечке ячменного! За счет заведения! – не слишком уверенно воскликнул он, однако на это никто не обратил внимания. Сегодня все были при деньгах, и назревавшая драка обещала кое-что поинтереснее бесплатной выпивки.

– Майк, скажи им, кто ты такой, – произнес Шило, не опускаясь до того, чтобы лично разговаривать с подвыпившим нахалом.

Майк кивнул и, вставая со стула, снял плащ, под которым была куртка с фирменным рисунком.

– «Барсуки»...

– Это «барсуки», – разнеслось по залу, и в руках некоторых посетителей появилось оружие.

– И этот щенок тоже грабит честных людей с самого малолетства? – спросил гиптуккер, стараясь задеть «барсуков» пообиднее.

– Осторожней, папаша, – сказал Гвинет, хладнокровно поедая свое рагу с перцем, – этот парень ссаживал «собак» из седла и за меньшую провинность.

– Кто? Он? – Гиптуккер вытянул руку и ткнул мальчишку в грудь.

Майк отступил на шаг, поднял с пола свое ружье и спокойно проговорил:

– Ты сделал свой выбор, бочонок с дерьмом. А теперь доставай свою пушку и становись к стене. Посмотрим, кто из нас сегодня закончит обед...

Дерзкие слова и твердый тон дались Майку нелегко, однако он чувствовал поддержку своих друзей и знал, что, если понадобится, они будут биться за него до последнего.

– Не нужно, господа, прошу вас! – закричал в отчаянии владелец заведения, но его отшвырнули в сторону и пригрозили, чтобы не вздумал звать полицию.

Посетители, возбужденно гомоня, стали сдвигать столы, чтобы освободить место для стрельбы.

Сдерживая нервную дрожь, Майк отошел к двери и взял винтовку, как его учил Алонсо Морган, – стволом вверх и поддерживая приклад снизу ладонью левой руки.

«А теперь делаешь вот так, – учил Морган, и с легкостью и быстротой ствол винтовки падал горизонтально, прежде чем кто-то мог выхватить из-за пояса пистолет. – Научись это делать быстро, Майк, и тогда все схватки будут за тобой. Это только кажется, что винтовка тяжелое и медлительное оружие, в умелых руках она творит чудеса».

Вот и теперь Майк держал винтовку именно так, думая только об одном. – не промахнуться.

Тем временем Шило, Гвинет и Тобби продолжали есть как ни в чем не бывало, однако Майк заметил, что у винтовки Гвинета уже взведен курок и она стоит у стола так, чтобы схватить ее в любую секунду.

Рослый гиптуккер, с которым Майку предстояло стреляться, уже стоял возле дальней стены с огромным пистолетом в руке. По всему, его больше не смущал возраст противника, и он видел в нем только грабителя из долины.

Наконец все лишние убрались и освободили необходимое пространство. Теперь можно было не бояться, что пуля заденет случайного человека.

Выглянувший из кухни владелец заведения хотел было сказать что-то еще, однако передумал и исчез.

«Ну вот и все», – размышлял Майк, чувствуя, как наливается холодом палец на спусковом крючке.

Тогда, в бою с «собаками», все было иначе, у него просто не было времени бояться, а здесь смерть, вон она – в пистолете крупного калибра.

«Чего же он медлит?» – мысленно подгонял противника Майк. Ведь Алонсо Морган учил его включаться, когда соперник начинает двигаться.

«Полшага в сторону, парень, и ты спасешь свою жизнь. Стрелки, которые почувствуют твоё движение, встречаются нечасто. Пока наводишь ствол, двигайся, а потом стреляй».

Но вот, кажется, гиптуккер решился. Майк отметил едва заметную судорогу, пробежавшую по руке противника. Однако в ту же секунду совсем рядом послышался треск, показавшийся Майку ружейным залпом. Впрочем, это была всего лишь дверь, которая открылась, выпуская внутрь ещё одного посетителя.

Фигура в длинном запыленном плаще и шляпе с обвислыми полями пересекла смертельно опасное пространство и остановилась.

– Эй, ты, доходяга, отойди в сторону, а то получишь пулю в свою глупую башку! – проорал противник Майка, однако незнакомец не испугался и, повернувшись к кричавшему, сказал:

– Стрелять в ребенка – не слишком большой подвиг, Митчел.

Майку вдруг показалось, что он узнает этот голос, однако его догадку опередили другие:

– Это Джо! Это Джо Беркут!

В подтверждение этих слов человек снял шляпу, и Майк окончательно узнал своего знакомого, которого уже считал погибшим. Майк хотел было броситься ему навстречу, но тут же вспомнил, что его положение хозяина долины не позволяет ему проявлять эмоции, к тому же спор с Митчелом ещё не был закончен.

– Уйди в сторону, Джо, дай этим ребятам разобраться, – сказал пожилой гиптуккер с трубкой во рту.

– Никак не могу, Ройтер. Этот мальчишка мой друг, мы вместе с ним дрались с «собаками».

Тут Беркут обернулся и подмигнул Майку, а Майк подмигнул ему в ответ.

– Вас послушать, так этот мальчишка – первейший враг самой грозной банды в округе, – сказал Ройтер, и по его тону стало ясно, что стрельбы уже не будет. Митчел засунул пистолет за пояс и, не глядя на Майка, вернулся за свой столик.

Это послужило сигналом, гиптуккеры столпились вокруг Джо Беркута, чтобы перекинуться с ним парой слов. Джо был у них вроде легенды. Про него рассказывали столько всяких небылиц, что уже нельзя было отделить выдуманные истории от подлинной правды.

Между тем Майк все стоял возле двери, не зная, что ему теперь делать. Он вопросительно посмотрел на Шило, тот поманил его пальцем:

– Пригласи его к нам за стол, Майк. Он тебе здорово помог, к тому же, насколько я понял, это твой друг.

– Хорошо, я сейчас, – обрадовался Майк. Он быстро подошел к Джо Беркуту и тронул его за плечо: – Джо, пойдем за наш стол. Давно не виделись, нужно поговорить.

– Хорошо, пойдем за твой стол, – улыбнулся Джо и, посмотрев на своих знакомых гиптуккеров, сказал: – Извините, ребята, нам с Майком нужно обсудить дела.

Глава 22

Странные вибрации и неожиданно появившиеся навязчивые звуки испороли мягкое забытие глубокого сна. Не помогла даже порция кальвадоса, так сильно гремели крышки багажных отделений и дребезжали застежки ремней безопасности.

Кит Карсон с неохотой приоткрыл глаза и оглядел полупустой салон пассажирского шаттла.

Слева, возле большого окна, спал возвращавшийся из отпуска служащий горной компании, а в креслах справа никого уже не было. Пожилая пара, всю дорогу угощавшая друг друга апельсиновыми леденцами, вышла на орбитальном терминале Гомейра.

«Гомейр», – повторил про себя Карсон, старательно вспоминая, когда же это было: сутки назад или еще раньше?

Если бы не запас кальвадоса, он вообще бы не перенес полет на этом корыте, где не было VIP-апартаментов и все пассажиры сидели в одном большом отсеке.

Правда, имелись места для отдыха, но они были какие-то непривлекательные и напоминали скорее усыпальницы для добровольно отдавших себя на заморозку. Карсон видел в музее подобные древние устройства, в которых неизлечимо больные отправлялись в будущее, надеясь на исцеление и продление жизни.

Глупцы, если бы они знали, что однажды их просто распределят между исследовательскими центрами как обычные препараты для опытов студентов-медиков и просто научных маньяков.

«О, ну что это я, как выпью, сразу думаю про всякую дрянь», – одернул себя Карсон. Между тем вибрации не прекращались, и это говорило о том, что шаттл упорно пытается сесть на Малибу, планете, о которой еще пару недель назад Кит Карсон не знал ничего, кроме названия.

Его вызвал босс Франклин и сказал, что у компании появились новые интересы. И еще он спросил, не хотел бы Кит отправиться в экзотическую командировку с королевскими суточными и самыми широкими перспективами на будущее.

Тогда Кит еще и не догадывался, что именно босс Франклин упаковал в столь многообещающую обертку, поэтому согласился. А кто бы не согласился получать на карманные расходы по восемьсот кредитов в день, а в качестве бонуса годичный оклад?

И вот теперь шаттл несет его на Малибу, во рту стоит отвратительный привкус, голова как чугунная. Наверное, надо выпить еще.

Неожиданно по проходу между креслами пробежали двое членов экипажа, держа в руках ядовито-желтые химические огнетушители. Поначалу Карсон только подивился, как эти люди не падают при такой жестокой тряске, но тут до него дошло, что они мчатся на пожар.

Карсон озабоченно потянул носом, однако ничего такого не унюхал, если не считать кислого запаха, который шел от спавшего у окна пассажира.

Впрочем, если бы что-то случилось, об этом наверняка объявили бы в салоне. А раз объявления не было – значит, все в порядке.

«Просто нужно выпить – это все нервы», – рассудил Карсон и стал вспоминать, куда он дел последнюю бутылку с кальвадосом. Шевелить мозгами было трудно, однако он вспомнил, что бутылка в его кейсе, а кейс лежит в багажном ящике для ручной клади, находящемся прямо над головой.

Нужно было только отстегнуть страховочные ремни и подняться.

Но не успел он проделать эти нехитрые операции, как по проходу в обратном направлении промчались двое с желтыми огнетушителями.

«Так, значит, все же горим, – определил Карсон, сразу позабыв про выпивку и покрываясь липким потом. – И горим с обеих сторон. Это окончательно хреново. Это значит верная смерть, поскольку все спасательные средства находятся в хвосте».

Карсон перестал дышать и усталился прямо перед собой, наблюдая сложный рисунок царапин на спинке переднего кресла. Счастливчик с этого места покинул шаттл еще сутки назад. Теперь он наверняка уже и думать забыл про это ужасное путешествие, а вот другим повезло меньше.

Кит Карсон прерывисто вздохнул и прислушался к своим внутренним ощущениям. Он и не думал, что последние минуты его жизни будут такими обычными и даже пресными.

Вот разве только недомогание, связанное с похмельем, однако похмелье случалось у Карсона и раньше. Еще чесалась коленка, но он не знал, можно ли это расценить как особый знак.

Между тем судно продолжало трястись, однако пока еще не разваливалось на куски, а пассажир у окна беззаботно храпел. Кит ему даже позавидовал: смерть во сне – это не так страшно, а вот ему придется вынести все эти ужасы, о которых часто пишут в газетах.

– Как нелепо, – тихо произнес Кит, не замечая, что плачет. – Как нелепо, ведь я еще молод...

Картины, одна страшнее другой, начали вставать перед его глазами, вызывая все новые потоки слез.

– Вам плохо? – прозвучал над ухом голос бортпроводницы.

«Да я умираю, глупая ты баба!» – хотелось выкрикнуть Киту. Он повернул к проводнице мокрое от слез лицо и увидел рядом с ней тех двух идиотов, которые бегали по шаттлу с огнетушителями. Желтые баллоны до сих пор были у них в руках.

– И все-таки я прибежал первым, Берни, ты должен это признать, – сказал один владелец огнетушителя другому.

– Зато ты упал и раскорячился в проходе. Из-за этого я ушиб колено...

– Вам плохо, сэр? – снова спросила стюардесса, глядя на пассажира, который напряженно прислушивался к разговору двух стюардов.

Поняв наконец, что никакой угрозы нет и бег с желтыми баллонами всего лишь дурацкая шутка или обычные учения, Карсон счастливо улыбнулся и сказал:

– Нет, все в порядке. Мне было плохо, но теперь все прошло.

Девушка пожала плечами и пошла прочь, увлекая за собой спорящих стюардов, а Карсон высморкался в носовой платок и почувствовал себя необычайно свежим.

«Слезы исторгают боль», – вспомнил он прочитанную где-то фразу, отстегнул ремень и, поднявшись, дотянулся до багажной крышки. Приоткрыв ее и пошарив под ней руками, Карсон извлек кейс и уселся в кресло.

Он набрал нужную комбинацию цифр, состоящую из года рождения, умноженного на два и разделенного на тридцать три, открыл кейс и бережно погладил округлый бок бутылки.

«Хаванела» – так назывался напиток, и это название звучало лучше всякой музыки.

Вытащив бутылку, Карсон проверил остальное содержимое кейса и привычно пробежался пальцами по запаянным в пластик пачкам наличных денег.

Всего пятьсот тысяч кредитов, на тот случай, если придется срочно подмазывать нужные винтики.

Впрочем, пока что это была еще не наличность, а просто похожие на деньги фантики, поскольку электронные датчики на них были мертвы. Лишь по приезде на место Карсон свяжется с начальством по видеоконференции и получит радиосигнал, который и оживит эту денежную массу и сделает ее теплой и желанной.

Глава 23

Когда турбины шаттла наконец замолкли и немногочисленных пассажиров попросили на выход, Карсон успел справиться с одной третью бутылки и чувствовал себя намного лучше, чем прежде.

Подхватив свой кейс, он спустился по крутому трапу и остановился на летном поле, озадаченно глядя по сторонам. Здание порта находилось едва ли не у самого горизонта, а пассажирских каров поблизости видно не было. Впрочем, другие прибывшие на шаттле сохраняли спокойствие, держась поближе к платформе с багажом.

Карсон тоже встал рядом с ними и от нечего делать начал разглядывать чемоданы. Один из них показался ему знакомым, и, присмотревшись внимательнее, он узнал свой багаж. Узнал, несмотря на смятый угол и глубокую борозду, шедшую от угла до угла. В другое время такое обращение с его вещами испортило бы Карсону настроение, но только не сейчас, когда спиртовые пары поддерживали в нем необходимый жизненный тонус.

– Едет, – сказал кто-то, и все повернулись в сторону зданий порта. Карсон ожидал увидеть пассажирский кар, но это был всего лишь маленький электротягач для багажной тележки.

Опытные пассажиры, те, кто был знаком с местными порядками, тотчас полезли на чемоданы и стали располагаться с максимальными удобствами. То же самое, не задумываясь, сделал и Кит. Вскоре тягач подъехал к тележке и, подцепив ее, быстро покатил к портовым постройкам.

Сидеть было удобно, и Карсон смотрел по сторонам, удивляясь тому, что все суда, находившиеся на площадках, выглядели совершенно одинаково. Однако вскоре ему удалось разглядеть на угрюмых силуэтах пушки, и он понял, что это военные корабли.

Отсюда неустроенность поездки и примитивный сервис – ведь шаттл сел на обычную военную базу.

Не останавливаясь ни у одной из построек, тягач протащил тележку через охраняемые ворота и затормозил возле стоянки такси.

Водители тотчас поспешили к пассажирам и стали помогать им разбирать багаж. Кит Карсон тоже принял помощь одного из таксистов и сел в его машину, довольный, что хоть автомобиль здесь выглядит вполне цивилизованно.

– Куда вас доставить, сэр? – спросил таксист, садясь на свое место.

– Я здесь впервые, поэтому мне нужна гостиница.

– Самая лучшая – «Хризантема», сто кредитов за ночь, – сказал таксист, с ходу определяя финансовые возможности пассажира.

– Хорошо, езжайте в «Хризантему», – кивнул Карсон, чувствуя, как алкогольная легкость покидает его голову, а на смену ей приходит давление реального мира со всеми его проблемами. Нестерпимо хотелось снова приложиться к бутылке и еще немного отдалить наступление трезвости, однако Карсон был уже на работе и о выпивке следовало забыть.

Машина тронулась с места, сделала крутой разворот и поехала в сторону холмов, мимо бесконечной вереницы складских терминалов.

– Как называется этот город? – спросил Карсон, чтобы отвлечься от надвигавшегося похмелья.

Таксист удивленно посмотрел на пассажира и ответил:

– Ларбени, сэр. – Затем, подумав, добавил: – А планета называется Малибу.

– Про Малибу я помню, – кивнул Кит. – И про туков тоже...

– Интересуетесь производством мальзивы?

– Да-да, мальзивы. – Карсон энергично закивал, вспомнив, как часто босс Франклин произносил это слово.

«Это золото, Кит, это чистое золото. Пока все качали кванзиновую жидкость, до мальзивы никому не было дела, но теперь, когда пласты иссякают, мы должны стать в этом бизнесе первыми...»

– Как будто пахнет морем, – приоткрыв окно, заметил Карсон. – Здесь есть море?

– Говорят, что оно здесь было, сэр, но теперь от него остались только соляные долины.

– Да-да, соляные долины, – снова кивнул Карсон. Он постепенно включался в работу и скрупулезно вспоминал все, что рассказал ему босс Франклин. Еще у него были с собой кое-какие записи, но основную часть информации следовало получить на месте.

Навстречу такси в сторону порта проехали два больших военных грузовика, Карсон проводил их глазами и спросил:

– Что, военные заправляют здесь всеми делами?

– Вообще-то да, сэр, но теперь все меньше. Скважины высыхают, и они убираются прочь.

– Небось рады, ведь здесь, наверное, скучно?

– По-разному, сэр. Я вот привык.

– Рестораны, всяческие заведения в городе существуют? Я имею в виду, есть ли приличные места, куда ходят офицеры?

– Да, есть. В той же «Хризантеме» есть хороший ресторан, куда они наведываются. А в городе стараются не бывать, у нас по вечерам, случается, стреляют.

– И кто же?

– Чаще полиция, но бывает, что гиптуккеры друг с другом повздорят.

– А кто такие «гиптуккеры»?

– Погонщики туков. Они доставляют их с холмов в город, для продажи.

– Вспомнил, гиптуккеры – это те парни, которые с опасностью для жизни пробиваются через территории, контролируемые шайками разбойников. Правильно?

– Да, сэр. Я вижу, вы хорошо осведомлены.

– Не то чтобы хорошо – так, на досуге прочитал в газете, – соврал Карсон.

– А у нас в Ларбени газет нету, – заметил таксист и внимательно посмотрел на пассажира.

– Так я не здесь читал, а в другом месте.

Сзади нетерпеливо посигналили, и таксист принял вправо, пропуская военную машину представительского класса. Она стремительно обогнала такси и, шелестя широкими шинами, умчалась вперед.

– А почему бы нам не поехать быстрее? – спросил Кит.

– Не разрешается – мы гражданские, а это шоссе принадлежит военным. Вот сойдем с этой магистрали, поедем быстрее, а иначе они нас моментально вычислят.

Глава 24

Вопреки опасениям Карсона, гостиница «Хризантема» оказалась действительно приличной. Среди потемневших сумрачных стен остальных зданий она смотрелась чужеродным элементом.

Когда машина остановилась перед входом, швейцар открыл для Карсона дверцу такси, а расторопный бой подхватил чемодан, едва водитель достал его из багажника.

– Ну наконец-то цивилизация, – не удержался от комплимента пассажир и вошел следом за носильщиком в просторный холл.

На минуту задержавшись возле стойки, Карсон заполнил необходимые формуляры, и вежливый портье выложил на стойку ключ от номера четыреста десять.

– Будем рады, если вам у нас понравится, мистер Карсон, – сказал он, а носильщик взял ключ и понес чемодан к лифту.

– Четыреста десять, Фурье, – произнес он, обращаясь к лифтеру, когда Карсон вошел в зеркальную кабину.

Лифт плавно поплыл вверх и вскоре остановился. Створки бесшумно разошлись, и Карсон ступил в лифтовой холл четвертого этажа.

Две милые девушки, отдыхавшие на небольшом диванчике, посмотрели на нового постояльца, и по их профессионально поставленным взглядам Карсон понял, что это проститутки.

Это были дорогие лошадки, которые не ходили с гиптуккерами. Ну, может быть, с офицерами или заезжими бизнесменами. Карсон учтиво им кивнул и пошел по коридору, на ходу оценивая мягкость ковра и отделку стен.

– Ну вот вы и дома, сэр, – торжественно произнес бой, первым входя в номер и ставя чемодан возле шкафа. Затем он раздвинул тяжелые портьеры, и солнечные лучи упали на полированный стол.

Карсон отметил, что на нем не было ни пылинки.

Между тем носильщик переминался с ноги на ногу, ожидая, когда же постоялец о нем вспомнит. Карсон достал из кармана два кредита и протянул деньги служащему, наблюдая за его реакцией.

Бой взял деньги, и лицо его разгладилось. Это означало, что два кредита были для него в самый раз.

– Спасибо, сэр. – Служащий поклонился и вышел.

Кит Карсон тотчас запер дверь на замок и отправился в ванную, чтобы смыть с себя накопившуюся дорожную усталость.

После расслабляющих водных процедур его стало клонить в сон, однако Карсон не сдавался и прямо в купальном халате сел к TV-боксу. Подрегулировав ручку настройки, он нашел нужную волну и набрал номер босса Франклина.

Поначалу было слышно только шипение, а по экрану бежали мелкие волны помех, однако вызов дошел до назначения, и на экране появился Франклин. По всей видимости, Кит поднял его с постели, но он ничуть об этом не жалел.

– Что случилось? Отчего ты поднял меня среди ночи? – недовольно спросил босс.

– У нас здесь день, сэр, и мне пора действовать.

– Ты хочешь активизировать валюту?

– Конечно. Иначе зачем я ее сюда привез?

– Но-но, поговори у меня, – беззлобно пригрозил Франклин. – Приемник на кейсе готов?

– Да, уже включен.

Франклин кивнул и, протянув руку за пределы видимости телекамеры, произвел какие-то манипуляции.

Спустя несколько секунд вмонтированный в крышку кейса цифровой приемник пискнул и проиграл тоновый код. Тем не менее Карсон недоверчиво покосился на упаковку денег и достал из кармашка в кейсе магнитный датчик. Проведя им над пачками банкнот и посмотрев на показания крохотного экрана, он кивнул:

- Все в порядке, сэр. На этот раз получилось.
- Что значит «на этот раз»? У меня всегда получалось...
- Это я просто так, сэр. Извините.
- Ох, и задница ты, Карсон. Ладно, давай работай и знай, что дело это очень серьезное.
- Да, сэр, конечно, – согласился Карсон и отключил связь, не дав боссу Франклину сказать заключительное слово.

Глава 25

Уже второй день половина банды «собак» находилась в городе, празднуя удачную сделку. Племенные туки, которых они забрали с фермы Нанта Каспара, принесли им полторы сотни тысяч – деньги, по меркам местных скотоводов, просто невиданные. Тем не менее перекупщики с юга заплатили, почти не торгуясь.

Раньше южане жили только своими скважинами, но теперь подземные запасы иссякали и накопленные на добыче кванзиновой жидкости капиталы вкладывались в новый бизнес. Юг спешно осваивал скотоводство и скупал все, что касалось производства мальзивы – второго золота планеты Малибу.

Впрочем, Дюка Лозмара эти тонкости мало интересовали. Он получил свои деньги и хотел приобрести за них максимально возможное влияние.

Сейчас он сидел в грязноватом номере третьесортного мотеля и курил дорогую сигару. В подслеповатое окно было видно, как Фагот и еще несколько «собак» выстраивают в ряд пришедших наниматься безработных.

Их оказалось не меньше двух сотен, дураков, которые поверили, что им будут платить по две тысячи в месяц.

Дюк надеялся отобрать около сотни человек и сделать из них настоящих «собак». Ему требовались новые бойцы, поскольку у него были далеко идущие планы.

«А и в самом деле, – размышлял он, – скоро скважины совсем опустеют и солдаты уйдут. Кто тогда останется здесь главной силой? Полиция, эти задницы? Вот уж нет. Хозяином города и окрестных холмов должен быть я – и никто другой».

– Рекруты прибыли и уже построены, адмирал! – доложил вошедший Фагот.

Не вынимая сигары изо рта, Дюк кивнул и, поднявшись со стула, направился к выходу. Уже в дверях он остановился и, указав на диван, произнес:

– Там, возле стены, у меня баба. Посмотри, живая она или нет.

– Моментом, адмирал!

Фагот подбежал к дивану и действительно обнаружил на полу у стены женское тело. Должно быть, это была какая-то наркоманка, потому что на ее руках были видны следы от уколов.

Фагот оглянулся и, увидев, что босса нет, протянул руку и стал лапать маленькую грудь. Затем подхватил безвольное тело и бросил на диван.

Девушка почти не шевелилась, лишь слабо повела рукой, и Фагот, сглотнув слюну, представил, что он теперь с ней может сделать. Впрочем, желание одно, а воля Лозмара и его злоба – совсем другое. Фагот уже зарыл несколько трупов, и ему не хотелось, чтобы и его самого закопали так скоро.

Сделав это умозаключение, он выскочил следом за своим хозяином, и, как оказалось, вовремя. Лозмар посмотрел на Фагота долгим взглядом и сказал:

– А я уж думал, ты заигрался.

– Да нет, просто положил ее на диван. На полу холодно.

– Да, на полу холодно, а в могиле еще холоднее, – двусмысленно заметил Дюк и, затянувшись крепкой сигарой, шагнул к построенным в длинную шеренгу искателям бандитского счастья.

Здесь были разные люди, и разные причины привели их сюда. Одним было нечем кормить своих детей, другие решили стать грабителями, третьи просто запутались в жизни и считали себя искателями приключений.

Однако все они втягивали головы в плечи, когда Дюк окидывал их оценивающим взглядом.

Проезжавшие по дороге машины притормаживали, и любопытные открывали окна, чтобы посмотреть, что происходит возле мотеля. Однако, заметив знаки бандитской группировки, они тотчас уезжали, предоставляя любоваться этим сборищем только нескольким полицейским, которые по такому случаю были вооружены до зубов.

По закону любой принадлежавший к преступной группе человек подлежал немедленному аресту, однако ситуация давно изменилась, и без поддержки военных полиция опасалась проявлять инициативу. Все ограничивалось пассивным наблюдением да подчеркнуто чрезмерным вооружением патрульных постовых.

Впрочем, бандиты, и в особенности «собаки», их уже не боялись и в открытую ходили по городу со своими отличительными знаками, что расценивалось как полный контроль над территорией.

– Как тебя зовут, бородатый? – спросил Дюк у одного из рекрутов.

– Поллак, сэр, – ответил тот.

– Был военным, Поллак?

– Нет, сэр, служил в полиции.

Услышав признание рекрута, все вокруг возмущенно загудели, а некоторые из «собак» позволили себе оскорбительные высказывания, однако Поллак никак на это не отреагировал, глядя только на Лозмара.

– Ты молодец, Поллак. Отходи в сторону – ты принят.

Новый член банды вышел из строя, а Дюк двинулся дальше, довольный тем, как он подмывает мнение остальных «собак». Пусть знают, что он самолично принимает решения и, если взял бывшего полицейского, значит, разглядел в нем что-то такое, о чем не догадываются рядовые «собаки».

– Ты кто? – спросил Дюк очередного соискателя, субъекта с широкими скулами и перебитым носом.

– Аэртон, сэр, – ответил тот сиплым голосом. И, скосив глаза в сторону полицейских, добавил тише: – Беглый я. Из Кьола-Синг... Возьмите меня, сэр, не пожалеете.

– Хорошо, ты принят, Аэртон. – Сигара во рту Дюка совершила полный круг. – Выходи из строя, ты теперь наш.

Дюк хотел сказать что-то еще, но его отвлек топот лахмана, на котором несся один из «собак» – вездесущий разведчик Кальер.

Почуввав неладное, заволновались и полицейские, однако в ту же минуту им на рацию поступило какое-то сообщение. Постовые быстро запрыгнули в машины и с включенными сиренами помчались в сторону долины. Кальер легко соскочил со своего скакуна и, подбежав к Лозмару, сообщил:

– «Голубые либеры», адмирал. Они движутся прямо на Ларбени. Их видели в долине в десяти километрах от города.

– Понятно. – Дюк отшвырнул сигару и, обращаясь к собравшимся претендентам, объявил: – Вот вам лучшая проверка, ребята! На город движутся «голубые либеры». Если кто не знает, так это те парни, которые могут жрать сырое человеческое мясо. Их там по меньшей мере пять сотен, и если кто пойдет с нами защищать город, то это и будет его путевкой в ряды «собак»... Я все сказал, теперь подходите к мистеру Фаготу, и он каждому выдаст по дробовику. Оружие не новое, но убивает так же легко, как и любое другое.

Сказав это, Дюк свернул за угол мотеля, куда уже подводили принадлежавших «собакам» лахманов.

Запрыгнув на своего скакуна, Дюк поискал глазами нужных ему людей и крикнул:

– Поллак и Аэртон! Поделите тех, кто не сбежал, пополам и двигайтесь за нами! Фагот и Лейбенмарс пойдут с вами пешим ходом!

И сейчас же после слов предводителя собравшийся у мотеля сброд начал превращаться в некое подобие армии.

Дюк с трудом сдерживал самодовольную улыбку: пока все шло хорошо, а «голубые либеры» появились как нельзя кстати.

В том, что с ними разберутся и без участия бандитских шаяк, Дюк был просто уверен, однако прежде он со своим войском собирался проехать по городским улицам, чтобы показать местным жителям, кто о них будет заботиться в скором времени.

Вскоре колонна примерно из сотни пеших новичков и четырех десятков «собак» верхом на лахманах вытянулась во всю улицу, и народ, прослышавший про «голубых либеров», стал приветственно махать Лозмару, а кто-то даже крикнул «ура».

Глава 26

Еще два месяца назад о «голубых либерах» почти ничего не слышали. Ну знали, что безработные с брошенных промыслов сбивались в шайки, однако никто, даже хозяева тамошних соляных долин, не придавали значения этим бродягам и намеревались перестрелять их при случае, чтобы не мешались под ногами.

Однако все пошло с точностью до наоборот. Новички стали сами искать встреч с устоявшимися бандами и нападали на них, не считаясь ни с какими потерями.

Пусть за спиной у профессионалов были опыт и умение – новички легко компенсировали это своей многочисленностью и нерастроченной жадой убийств. И вскоре сообщество хозяев долин недосчиталось двух банд – «манифишей» и «медведей».

Те немногие, кому удалось уйти живыми, рассказывали страшные вещи о существах, потерявших человеческий облик, которые убивали ради удовольствия, а трупы своих жертв, случалось, поедали прямо сырыми.

Перед лицом смертельной опасности объединились бывшие непримиримые враги «скусны» и «койоты», уже испытавшие на себе удары диких орд, однако «голубые либеры» на время затаились и больше не совершали новых набегов, довольствуясь освоением захваченных островов.

Договориться с ними было невозможно, а попадавшие к ним гиптуккеры исчезали вместе со скотом. На продажу в Ларбени или Куцак захваченный скот не пригонялся, из чего следовало, что его попросту съедали.

И вот наконец «голубые либеры» снова появились, и не возле Куцака, где их все уже знали и боялись, а прямо у окраин Ларбени.

– Наверняка это еще не все, – сказал Шило, глядя на многочисленные черные точки, снующие по светлой поверхности долин. Отсюда, с вершины холма, они были видны очень четко.

– Да-а, – хмуро протянул Гвинет, – а другая их половина, может, уже хозяйничает на нашем острове.

– Ладно тебе пугать, – одернул его Шило. – Алонсо Морган не из тех, кто даст себя в обиду, тем более этим оборванцам.

– А как же тогда «манифиши» и «медведи»? – спросил Майк. – Они ведь тоже были закаленными бойцами.

– Да, они были крепкие ребята, но им пришлось удерживать слишком большие территории. Их острова были раз в сто больше нашего.

– Понятно, – кивнул Майк и посмотрел на соседний холм, откуда за «голубыми либерами» наблюдали гиптуккеры. Среди них был и Джо Беркут.

Вчера они хорошо пообщались и, как показалось Майку, Джо правильно понял его план. И еще он обещал лично поговорить со всеми старшинами перегонщиков, чтобы это обсуждение прошло без обычных пререканий между хозяевами долин и гиптуккерами.

– Здорово, что у тебя есть такой друг, Баварски, – сказал вдруг Шило, отвлекаясь от наблюдения за «голубыми либерами». – Беркута здесь очень уважают и, конечно, прислушаются к его мнению.

– Да, – кивнул Майк. – Скоро через долины можно будет проходить без всяких проблем. Неплохо бы организовать безопасную дорогу для грузовиков, чтобы подвозить фермерам разные товары.

– Эк ты загнул, – покачал головой Тобби, который перетягивал ремень на седле своего лахмана.

– А что, когда я жил на ферме, то почти ничего в жизни не видел. Даже шоколад пробовал только раза три или четыре, а здесь, в городе, его вон сколько.

В этот момент со стороны порта, принадлежащего военной базе, показалась пара вертолетов. Майк замер, разглядывая эти удивительные машины, которые ему случалось видеть еще реже, чем шоколад. Со свистом и грохотом, пугающим лахманов, вертолеты пронеслись совсем низко и пошли прямо на армию «голубых либеров».

Наблюдатели на холмах замерли, ожидая, что сейчас начнется стрельба, однако, не долетев до цели, вертолеты развернулись и пошли обратно.

– Может, они испугались? – предположил Майк, сжимая свою винтовку.

– Наверяд ли, – возразил Шило. – Вон, смотри.

И он указал рукой в сторону, куда возвращались вертолеты. Там на твердую соляную поверхность спускались какие-то длинные машины. Они были выкрашены под цвет прошлогодней полыни и напоминали жуков-палочников.

Машины отползли от берега метров на пятьдесят и остановились. Всего их было четыре штуки.

Майк недоумевал, зачем эти сонные чудовища выбрали в долину. А между тем они снова зашевелились и повернули свои головы в сторону наступающего врага.

– Если они ничего не сделают, нам придется самим схватиться с либерами, – сказал Майк.

– Не беспокойся, солдаты этого так не оставят, – заверил Шило, однако Майка это не убедило, и он стал поглядывать на соседние холмы, выискивая союзников, вместе с которыми можно было бы дать отпор врагу.

Помимо гиптуккеров, которые, конечно же, ввяжутся в эту драку, Майк насчитал человек тридцать полицейских и небольшую группу из двадцати бойцов, принадлежавших к союзу «скулсов» и «койотов». Остальные были прибежавшие из города зеваками, лишь немногие из них имели при себе оружие.

Орда либеров подходила все ближе, и через несколько минут по ним уже можно было открывать огонь.

– А ведь их больше пяти сотен, – заметил Тобби.

– Куда больше, – согласился с ним Гвинет.

«Однако никто даже не шевелится, чтобы остановить их», – угрюмо подумал Майк. Впрочем, он ошибался, потому что через секунду оттуда, где остановились медлительные зеленые машины, послышался страшный рев, непонятная штука величиной с телеграфный столб соскочила с одного из «жуков» и помчалась вперед, слепя наблюдателей ярким пламенем, бившим из ее сопла.

Глава 27

И опять Киту Карсону повезло. Ему всегда везло в начале каждой новой работы. Потом довольно часто случались досадные проколы, но в самом начале буквально все обстоятельства складывались крайне удачно.

Едва он спустился вечером поужинать в ресторан, как ему на глаза попались двое военных. Один из них был лейтенант, а другой капитан, но объектом для знакомства Кит выбрал лейтенанта, поскольку капитан ему как-то не приглянулся.

Подождав, пока офицеры слегка выпьют, Карсон как бы невзначай оказался возле их стола, и, слово за слово, у них завязалась беседа. Карсон попросил разрешения присесть, соврал, будто всю жизнь мечтал стать военным, но не прошел медкомиссию, и поинтересовался, действительно ли военная служба полна романтизма и героических будней.

От таких слов его самого едва не стошнило, однако игра требовала перевоплощения, и Кит самозабвенно играл.

– Сейчас я занимаюсь всем подряд, немного торгую, немного посредничаю, – рассказывал он, – но свои юношеские мечты никак не могу забыть... Стать военным, ходить в далекие походы. – Карсон говорил и дирижировал рукой, рисуя в никотиновом дыму свои воображаемые идеалы.

– На самом деле, дружище, все не совсем так, – тоном умудренного ветерана заметил лейтенант.

– А если сказать точнее, то совсем не так, – добавил капитан и залпом осушил рюмку.

– Вот от этого места, пожалуйста, поподробнее... Карсон сделал знак официанту, чтобы подошел.

– Что у вас есть из чего-нибудь эдакого? – спросил Карсон, изобразив пальцами неопределенную фигуру. Видимо, официант понял его буквально, потому что внимательно посмотрел на перекрученные фиги и твердо ответил, что ничего подобного в их меню нет.

– Тогда принесите горячего, – приказал Карсон. – Всем горячего, и причем лучшего!

– Осторожно, дружище, у них там есть одна штуkenция, совершенно неприличная по цене, – предупредил капитан, который, захмелев, перестал быть подозрительным парнем.

– Плевать! – махнул рукой Карсон. – Несите этой самой штуkenции каждому по порции.

Официант почтительно поклонился и ушел выполнять заказ.

В этот момент в музыкальном уголке заиграл небольшой оркестр, и лейтенант, которого капитан называл «Вилли», стал озиаться в поисках партнерши для танцев.

Дам в зале было немного, а свободных – и того меньше. Однако Карсон сразу узнал двух девушек – профессионалок, которых видел на своем этаже.

– Вилли, – Карсон позволил себе так назвать лейтенанта, – Вилли, вон те две красотки... Кажется, они не дождались своих кавалеров.

– А это не проститутки? – Брови лейтенанта сошлись к переносице, видимо, он не желал платить деньги.

– Нет, уверяю тебя. Просто в этот вечер им не повезло...

– Ну тогда я пошел, – решительно произнес лейтенант и, неловко поднявшись из-за стола, опрокинул бокал с красным вином.

– И вы тоже идите с ним, капитан, – предложил Карсон, – ведь девушек двое.

– А вы? – угрюмо спросил тот.

– У меня нет никаких шансов. Разве не видно, что эти красотки западают только на военных?

– М-да? – Капитан навел фокус на девушек и лейтенанта, который уже что-то им говорил, резко мотнул головой и поднялся.

– Ну я пш-шел, – сказал он.

– Да, конечно, – поддержал его Карсон. Капитан ушел, а ему на смену прибыл официант с целым подносом горячих блюд. Не обнаружив за столиком никого, кроме Карсона, он удивленно поднял брови.

– Расставляйте, милейший, и ни о чем не беспокойтесь. За все заплачу я.

– Как скажете, сэр. – Официант поклонился и начал сгружать тарелки.

– Почему эти девочки? – спросил Карсон, уверенный, что официант в курсе всех расценок в отеле.

– Двести за час и пятьсот за ночь, – с расстановкой произнес тот.

– Хорошо, любезнейший, ты можешь передать этим девочкам сообщение?

– Конечно, сэр, если вы напишете записку...

– Никаких записок. Вот тебе пятьдесят кредитов и еще пятьсот девушкам за час работы.

– Будет сделано, сэр, – пряча деньги, произнес официант. Теперь он выглядел намного живее.

– Да, и скажи, чтобы девушки вели себя понатуральнее и не говорили, что они профессионалки.

– Конечно, сэр.

– Теперь иди.

Официант тут же убрался, но вскоре снова появился в зале и поставил на столик, где сидели девушки с офицерами, четыре порции мороженого.

Когда он умудрился подать знак, Кит так и не заметил, но только одна из ночных бабочек взяла сумочку и вышла – якобы в туалет.

В ее отсутствие лейтенант Вилли попытался вытащить танцевать подружку, но та вежливо отказалась, поддерживая живейший разговор с капитаном.

Наконец выходящая в туалет девушка вернулась, и, судя по взгляду, который она бросила на Карсона, он понял, что все улажено.

Еще через пять минут все четверо поднялись из-за стола и покинули ресторан, а Карсон взглянул на часы и приступил к дегустации горячего.

Тем временем сменился состав оркестра, музыка стала познергичнее. У Карсона поднялось настроение, и он заказал себе еще шампанского. Время побежало быстрее, вскоре миновал тот час, который он оплатил.

Лейтенант и капитан вернулись в ресторан и, набросившись на напитки, стали благодарить Карсона, который помог им познакомиться с такими чудесными красотками.

– Сначала я думал, что они проститутки, – говорил лейтенант Вилли, разрезая ножом остывшее горячее.

– Да и я тоже, – вторил ему капитан.

– Но потом они не взяли с нас денег!

– Да, не взяли!

Карсон еще долго сидел со своими новыми знакомыми и узнал, что их зовут Вилмарк Бриттен и Рой Экзосе.

Офицеры прогуливали рабочее время и поэтому несколько раз отлучались позвонить на службу. Около полуночи они пошли домой, пригласив Кита на следующий день покататься на штабной машине и осмотреть город.

Тот не возражал.

И вот утром, около девяти, за ним заехал лейтенант Бриттен и они отправились на окраину города, где, как выяснилось, происходили какие-то волнения. Впрочем, всех подробностей не знал и сам лейтенант, поскольку он не занимался боевой работой и вообще находился на полковничьей должности.

Последнее порадовало Карсона, он отметил про себя, что не зря потратил на обработку новых знакомых почти полторы тысячи кредитов.

Когда приехали на место, Карсон остался сидеть на заднем сиденье штабного вездехода, чтобы наблюдать за тем, как происходят последние приготовления.

Рация лейтенанта Бриттена была включена на прием, и можно было оценить степень напряжения, царившего на радиочастотах управления войсками. Доклады наблюдателей, отчеты пилотов разведывательных вертолетов, запросы ракетных расчетов и многое другое, в чем Кит Карсон совершенно не разбирался.

– Взгляните на те высоты, Кит! – Бриттен указал на соседние холмы. – Там собралось не меньше сотни представителей других бандитских шак, им будет небезынтересно посмотреть, что случится со всеми ними, если они переступят черту.

– Да, правильно, – кивнул Карсон, мысленно перебирая в голове различные варианты развития ситуации на рынке мальзивы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.